8 р
К 868

73840

КСЮНИНЪ

УХОДЪ

ТОЛСТОГО

Хр

217

Пр. 2010

738420

60

Екатеринбургская областная
библиотека
имени В. Г. Белинского
МНОГОХРАНИЛИЩЕ
А. КСЮНИНЪ
Свердловск

УХОДЪ ТОЛСТОГО

Изданіе А. С. Суворина

Инв. 1936 г. № 12608

Ал. Ксюнинъ

13. IV. № 68.
Инв. 12608.
5

УХОДЪ ТОЛСТОГО

Почему ушелъ Толстой... Письма Толстого. Яснополянскія воспоминанія. — Крестьяне «о своемъ Львѣ Николаевичѣ». — Послѣдніе дни Толстого — въ монастыряхъ.

Екатеринбургская губернская
Библіотека
имени
Книгохранилище
Обл. библиотеки
г. Свердловск

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНІЕ А. С. СУВОРИНА
1911

1.33 [Толстой Л.Н.] - 3

8 р
К 868

738 420

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
Государственного университета
г. Свердловск

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 13

13. IV. № 68.
Инв. 12608.

Библіотека имени Тургенева

ПРЕДИСЛОВІЕ.

ТУЛА. 28-го октября, въ 5 час. утра Левъ Николаевичъ Толстой ушелъ изъ Ясной Поляны съ докторомъ Маковицкимъ. Въ письмѣ, оставленномъ Софьѣ Андреевнѣ, онъ пишетъ, что рѣшился послѣдніе дни своей жизни провести въ одиночествѣ.

ТУЛА. Толстой 29-го октября прибылъ въ Оптину пустынь.

Въ ночь на 31-е Толстой выѣхалъ изъ Козельска на Горбачево.

АСТАПОВО (ж. д.) 7-го ноября въ 6 час. 5 мин. утра Левъ Николаевичъ Толстой тихо скончался.

(Изъ газетныхъ телеграммъ).

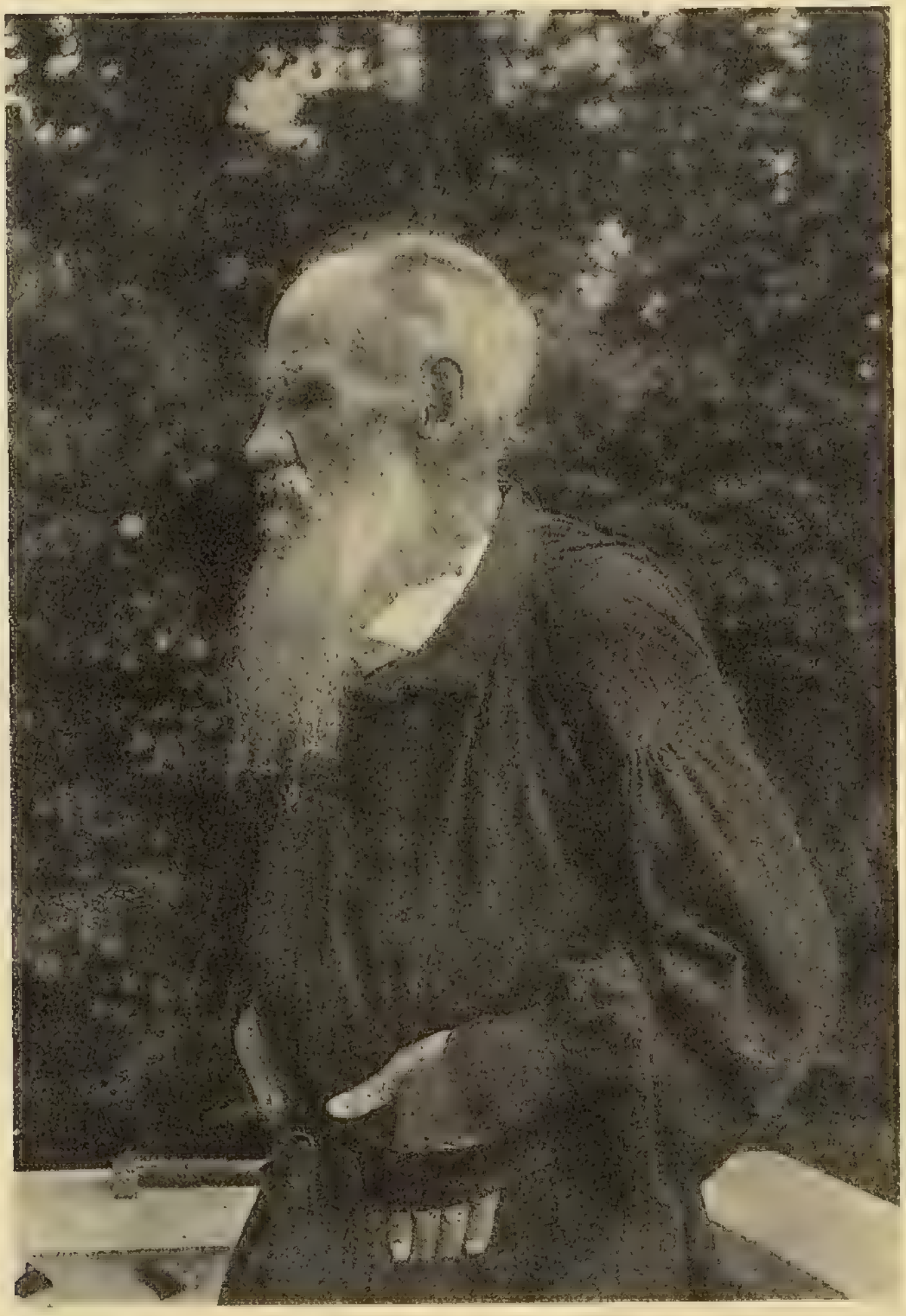
Неожиданный уходъ Толстого изъ Ясной Поляны и его трагическая смерть на перепутьи въ станціонномъ домѣ въ Астаповѣ встревожили и поразили не только мыслящихъ людей въ Россіи, но и нашли себѣ откликъ далеко за ея предѣ-

лами. Толстого зналъ весь міръ, всѣ интересовались не только его твореніями, но и подробностями его жизни; понятно, почему его уходъ такъ долго и разнорѣчиво обсуждался въ печати, въ обществѣ, и вызвалъ даже много неправдоподобныхъ толковъ, касавшихся и самого Толстого и его семьи.

Пытаясь выяснить правдивую картину ухода Толстого, причины, побудившія его къ этому, я въ качествѣ журналиста побывалъ въ Ясной Полянѣ, провелъ тамъ цѣлый день въ бесѣдахъ съ Софьей Андреевной и съ ея дочерьми, заходилъ къ Яснополянскимъ крестьянамъ, говорилъ съ ними о Львѣ Николаевичѣ, а затѣмъ проѣхалъ и въ монастыри, гдѣ Толстой провелъ здоровымъ послѣдніе дни. Все, что я собралъ относящагося къ уходу Толстого, было напечатано въ фельетонахъ „Новаго Времени“.

Связавъ ихъ, сдѣлавъ нѣкоторыя измѣненія и дополненія и, печатая отдѣльную книжку, я думаю, что собранное мною и переданное съ совершеннымъ безпристрастіемъ, пригодится для исторіи о Толстомъ.

Ал. Ксюнинъ.



Графъ Левъ Николаевичъ Толстой.
(Позднѣйшій портретъ) [1]).

---

[1]) Этотъ портретъ и другія фотографіи, кромѣ снимковъ монастырей, взяты мною изъ коллекціи «Новаго Времени».

«Входите тѣсными вратами: потому что широки ворота и пространенъ путь, ведущіе въ погибель; и многіе идутъ ими; потому что тѣсніе врата и узокъ путь, ведущіе въ жизнь, и немногіе находятъ ихъ».

(Матѳея VII—13—14. Эти слова подъ датаю 7 ноября открыты на столѣ Л. Н. Толстого въ его «Мысляхъ мудрыхъ людей»).

Почему ушелъ Толстой.

«Спасеніе отъ золъ міра, отъ смерти— только въ жизни по ученію Христа».

Л. Толстой.
(«Ходите въ свѣтѣ, пока есть свѣтъ»).

«На міру по смерть Богъ велѣлъ отбывать каждому свой оброкъ — любовью и добрыми дѣлами».

Л. Толстой («Два старика»).

I.

„Дорогая Соня!

„Уже давно меня мучаетъ несоотвѣтствіе моей жизни съ моими вѣрованіями. Заставить васъ измѣнить вашу жизнь, ваши привычки, къ которымъ я же пріучилъ васъ, я не могъ, уйти отъ васъ до сихъ поръ я тоже не могъ, думая, что я лишу дѣтей, пока они малы, хоть того малаго вліянія, которое я могъ имѣть на нихъ, и огорчу васъ; продолжать же такъ жить, какъ я жилъ эти 16 лѣтъ, то борясь и раздражая васъ, то самъ

подпадая подъ тѣ вліянія и соблазны, къ которымъ я привыкъ и которыми я окруженъ, я тоже не могу больше, и я рѣшилъ теперь сдѣлать то, что я давно хотѣлъ сдѣлать: уйти, во-первыхъ, потому, что мнѣ съ моими увеличивающимися годами все тяжелѣе и тяжелѣе становится эта жизнь и все больше и больше хочется уединенія, и, во-вторыхъ, потому, что дѣти выросли, вліяніе мое уже не нужно и у всѣхъ васъ есть болѣе живые для васъ интересы, которые сдѣлаютъ вамъ мало замѣтнымъ мое отсутствіе.

„Главное же то, что какъ Индусы подъ 60 лѣтъ уходятъ въ лѣса, какъ всякому старому религіозному человѣку хочется послѣдніе годы своей жизни посвятить Богу, а не шуткамъ, каламбурамъ, сплетнямъ, теннису, такъ и мнѣ, вступая въ свой 70 годъ, всѣми силами души хочется этого спокойствія, уединенія и хоть не полнаго согласія, но не кричащаго разногласія своей жизни съ своими вѣрованіями, съ своей совѣстью.

„Если бы я открыто сдѣлалъ это, были бы просьбы, осужденія, споры, и я бы ослабѣлъ, можетъ быть, и не исполнилъ бы своего рѣшенія, а оно должно быть исполнено. И потому, пожалуйста, простите меня, если мой поступокъ сдѣлаетъ вамъ больно, и въ душѣ своей, главное ты, Соня, отпусти меня добровольно и не ищи меня и не сѣтуй на меня, не осуждай меня.

„То, что я ушелъ отъ тебя, не доказываетъ того, чтобы я былъ недоволенъ тобой. Я знаю,

что ты *не могла*, буквально не могла и не можешь видѣть и чувствовать, какъ я, и потому не могла и не можешь измѣнить своей жизни и приносить жертвы ради того, чего не сознаешь. И потому я не осуждаю тебя, а, напротивъ, съ любовью и благодарностью вспоминаю длинныя 35 лѣтъ нашей жизни, въ особенности первую половину этого времени, когда ты, съ свойственнымъ твоей натурѣ материнскимъ самоотверженіемъ, такъ энергически и твердо несла то, къ чему считала себя призванной. Ты дала мнѣ и міру то, что могла дать. Дала много материнской любви и самоотверженія, и нельзя не цѣнить тебя за это. Но въ послѣднемъ періодѣ нашей жизни—послѣднія 15 лѣтъ мы разошлись. Я не могу думать, что я виноватъ, потому что знаю, что измѣнился я ни для себя, ни для людей, а потому, что не могъ иначе. Не могу и тебя обвинять, что ты не пошла за мной, а благодарю и съ любовью вспоминаю и буду вспоминать за то, что ты дала мнѣ.

„Прощай, дорогая Соня.

„Любящій тебя *Левъ Толстой*.

„8 іюня 1897 г.“

На конвертѣ надпись: „Если не будетъ особаго отъ меня объ этомъ письмѣ рѣшенія, то передать его послѣ моей смерти С. А.“

Такъ и было поступлено. Софія Андреевна узнала объ этомъ письмѣ только послѣ смерти мужа.

Обратите вниманіе на дату письма, переданнаго мнѣ Софьей Андреевной.

„8 іюня 1897 г.“.

Еще въ 1897 году хотѣлъ покинуть Ясную Поляну Толстой. Какъ нелѣпы, послѣ этого, были всѣ росказни и сплетни, создавшіяся вокругъ его ухода, какъ вздорны всѣ разсказы о какихъ-то корыстныхъ побужденіяхъ членовъ семьи Толстого. Еще въ 1897 году рѣшилъ удалиться Толстой, рѣшилъ осуществить то, что онъ и раньше „давно хотѣлъ сдѣлать“:— „послѣдніе годы своей жизни посвятить Богу“... Онъ искалъ „спокойствія, уединенія и хоть не полнаго согласія, но не кричащаго разномыслія своей жизни съ своими вѣрованіями, съ своей совѣстью“.

Такъ объясняетъ свои побужденія и причины своего ухода самъ великій писатель.

Въ семьѣ Толстого, конечно, знали объ его желаніи.

— Уходъ отца,—говоритъ Татьяна Львовна,— не былъ сюрпризомъ ни для кого изъ насъ... Мы только не знали дня, когда онъ уйдетъ, какъ не зналъ этого и Чертковъ. Больше того: отецъ самъ не зналъ объ этомъ, ложась спать.

Гр. Софья Андреевна Толстая и гр. Левъ Николаевичъ Толстой.

II.

Въ 4 часа утра (28 октября) Александра Львовна услышала властный стукъ въ дверь своей комнаты.

— Я, Левъ Николаевичъ... Я уѣзжаю отсюда совсѣмъ...

Ѣхали на станцію, не зная, куда поѣдутъ. Левъ Николаевичъ былъ очень взволнованъ во время всей поѣздки. Въ Щекинѣ были взяты одновременно билеты по двумъ направленіямъ: на Горбачево и на станцію Благодатную (близъ которой находится имѣніе „Кочеты“ Татьяны Львовны Сухотиной).

— Послѣднее лѣто,—разсказываетъ Софья Андреевна,—было вообще безпокойное у Льва Николаевича. Раньше онъ восемь лѣтъ никуда не уѣзжалъ, а въ теченіе послѣдняго года съ мая мѣсяца сдѣлалъ четыре или пять поѣздокъ, то къ Сухотинымъ, то къ Черткову. Какое-то безпокойство нашло на него. Да и въ другомъ оно сказывалось. Левъ Николаевичъ сталъ необыкновенно обо всемъ скорбѣть. Приходитъ ли вдова изъ Ясной Поляны, онъ уже волнуется и говоритъ: „Боже мой, Боже мой, какъ она будетъ жить эту зиму,—мои три рубля для нея совсѣмъ ничего...“ Сходитъ ли самъ на деревню, уже разсказываетъ: „Былъ на деревнѣ, узналъ, что съ утра ѣдятъ сухую картошку, нѣтъ даже хлѣба...“ Приходятъ погорѣльцы, Левъ Нико-

лаевичъ чуть не въ слезахъ: „Что для нихъ моя помощь, что значитъ по рублю на человѣка... Только представить, какъ они будутъ жить... Вѣдь ничего, ничего, не осталось...“ А тутъ, смотришь, уже новые просители, нищіе. Левъ Николаевичъ раздаетъ, что у него подъ рукой и, совсѣмъ взволнованный, говоритъ: „Какъ тяжела жизнь, сколько горя, сколько несчастія вокругъ...“

И со слезами на глазахъ, вся взволнованная и печальная, Софья Андреевна снова вспоминаетъ послѣднюю ночь и уходъ мужа.

— Я всегда отворяла дверь въ коридоръ,— говоритъ она, — каждое дыханіе его слышала. Бывало, зайдешь, покроешь его, поцѣлуешь какъ ребенка, вернешься къ себѣ, и опять прислушиваешься... А въ эту ночь я до трехъ часовъ корректуру читала, а потомъ совершенно больная легла и уснула тяжелымъ сномъ. Въ 4 часа онъ всталъ и, говорятъ, своей рукою заперъ мою дверь. Я проснулась только въ десятомъ часу утра—его нѣтъ. „Съ прогулки вернулся!“ спрашиваю, а Саша отвѣчаетъ: „Уѣхалъ, совсѣмъ...“ и подаетъ мнѣ письмо. Я бросила письмо, побѣжала въ садъ, къ пруду, упала навзничь, покатилась и, когда почувствовала, что меня уже захлестываетъ вода, думала: „какъ хорошо, кончаются всѣ мученія...“ А тутъ прибѣжали изъ дому и спасли меня, къ сожалѣнію...

У Софьи Андреевны сидитъ на колѣняхъ ея маленькая внучка Таня, дочь Татьяны Львовны.

За минуту передъ тѣмъ она раскладывала картинки и все о чемъ-то выспрашивала бабушку. Но сейчасъ, когда ея любимая бабушка стала разсказывать, какъ она бѣжала къ пруду и хотѣла что-то нехорошее съ собой сдѣлать, Таня забыла игрушки, вся обратилась во вниманіе и на глазахъ у нея навернулись слезинки.

— Я это про чужую женщину разсказывала,— спохватилась и успокаиваетъ внучку Софья Андреевна.—Это сказочка. Ты вѣдь слышала про двухъ дѣвочекъ, которыя чуть не утонули. Ты знаешь одну изъ нихъ—про Нюшу...

III.

Быстро пустѣла послѣ похоронъ Толстого Ясная Поляна. Въ то утро, когда я пріѣхалъ, за столомъ кромѣ графини сидѣла ея сестра Татьяна Андреевна Кузьминская, старшая дочь Татьяна Львовна, Варвара Валеріановна Нагорная—дочь Маріи Николаевны, сестры Толстого, и докторъ Маковицкій, только что вернувшійся изъ Шамордина, куда онъ ѣздилъ, чтобы разсказать Маріи Николаевнѣ о послѣднихъ минутахъ ея брата.

Послѣ утренняго кофе Татьяна Львовна собралась къ сестрѣ въ Телятники, докторъ спустился къ себѣ и я остался одинъ съ Софьей Андреевной.

— Черезъ три дня домъ мертвый будетъ... Всѣ уѣдутъ...

738420

Графиня С. А. Толстая съ дочерьми: Татьяной Львовной, Александрой Львовной и Маріей Львовной (покойной).

Научная библиотека Удельного Госуд. ... г. Чернигов

И тяжелое, безпросвѣтное горе слышалось въ словахъ Софьи Андреевны.

— Всѣ уѣдутъ...

Дѣти, внуки, знакомые... У нихъ своя жизнь, они еще молоды, у нихъ многое впереди, и только она одна вся въ прошломъ, вся въ воспоминаніяхъ, и не всѣ изъ этихъ воспоминаній свѣтлыя и радостныя. Многія изъ нихъ печальныя, связанныя съ послѣдними годами жизни Льва Николаевича, когда Софья Андреевна уже не чувствовала духовной близости мужа, когда постороннее вліяніе отдалило ее отъ него... А тутъ еще нареканія и ропотъ вокругъ свѣжей могилы. Слишкомъ много страданій для слабой, больной, старой женщины. Слишкомъ много для нея одной...

— Потерять его для меня было хуже смерти,—говоритъ Софья Андреевна,—я слишкомъ ревниво и страстно относилась къ этому духовному общенію, и не замѣчала, какъ тяжело ему мое недружелюбное отношеніе къ тому человѣку, который сталъ около него близкимъ.

— И только въ его памяти я хотѣла бы себя обѣлить... Всѣ, кто меня сейчасъ упрекаютъ, забываютъ и не хотятъ понять одного, что въ теченіе послѣдняго лѣта я была совсѣмъ больная. Я была переутомлена и хозяйственными дѣлами, и постороннимъ вліяніемъ... На мнѣ хозяйство, заботы о дѣтяхъ, крестьяне. Я терпѣливо несла свой трудъ, у меня ни съ кѣмъ не было столкновеній, не было ни одного судбища...—

— „Надо ѣхать“, говорили мнѣ... Но куда? Я не сумѣла бы этого сдѣлать: надо быть убѣжденной, чтобы бросить дѣтей, внуковъ, свой домъ, все, все, къ чему привыкла въ теченіе многихъ лѣтъ... Развѣ такъ нельзя жить, ласково, хорошо, и я такъ жила, но мнѣ помѣшали...—Только подумайте, какъ приходилось тянуться къ нему... Не только умомъ, знаніями, но даже лѣтами...

— Помню, когда Левъ Николаевичъ писалъ еще „Войну и Миръ“... Приходитъ однажды ко мнѣ въ восторгѣ, возбужденный, и говоритъ: „Какой типъ дипломата я сейчасъ представляю себѣ, какой будетъ великолѣпный типъ“... (Билибинъ въ „Войнѣ и Мирѣ“). А я спрашиваю его: „Левушка, что такое дипломатъ?..“ Видите, когда онъ уже создавалъ извѣстныя категоріи типовъ, я совсѣмъ юная, мнѣ было что-то двадцать лѣтъ, не понимала даже, чѣмъ занимаются люди этой категоріи. Потомъ я вошла въ его работу, по нѣскольку разъ переписывала его произведенія, и тогда, когда не было никого посторонняго около мужа, онъ ничего не творилъ безъ духовнаго участія своей жены.

— Я знаю нашу сердечную связь за сорокъ восемь лѣтъ... „Я никогда никого, кромѣ тебя, не любилъ“, говорилъ и писалъ мнѣ Левъ Николаевичъ... Но вѣдь не такъ легко было Толстого сдѣлать счастливымъ.—Я помню Фета, который какъ-то обронилъ у насъ: „Софья Андреевна по ножу ходитъ“...

— А въ послѣдніе годы все измѣнилось... Дошло до того, что нервы отказались слушаться, чувствовала себя совершенно больной, разбитой, истеричной. Я уходила въ лѣсъ и сидѣла тамъ по нѣскольку часовъ одна... Вѣчная напряженность... Неужели, любя его, я не чувствовала, что онъ уйдетъ... Я говорила окружающимъ о своемъ нездоровьи, мнѣ отвѣчали: „Пройдетъ, пройдетъ“... И понялъ меня все-таки только онъ...

Софья Андреевна показала мнѣ письмо, которое написалъ ей изъ комнаты въ комнату въ то лѣто Левъ Николаевичъ.

„Я бы могъ продолжать жить такъ, если бы я могъ спокойно переносить твои страданія. Но я не могу. Вчера ты ушла взволнованная и страдающая. Я хотѣлъ спать лечь, но сталъ не то что думать, а чувствовать тебя, и не спалъ, и слушалъ до часу, до двухъ, и опять просыпался и слушалъ, и во снѣ, или почти во снѣ видѣлъ тебя. Подумай спокойно, милый другъ, послушай своего сердца, почувствуй, и ты рѣшишь все, какъ должно. Про себя же скажу, что я съ своей стороны рѣшилъ все такъ, что иначе не могу. Перестань, голубушка, мучить не другихъ, а себя, себя. Потому что ты страдаешь въ сто разъ больше всѣхъ. Вотъ и все“.

Письмо помѣчено 14 іюля утромъ.

„Взволнованная и страдающая“,—писалъ Толстой о своей женѣ. Для большинства слова эти, какъ и все душевное состояніе Софіи Андреевны

Домъ гр. Л. Н. Толстого въ «Ясной Полянѣ».

за послѣдній годъ жизни Толстого, могутъ показаться непонятными.

Прежнюю Софью Андреевну заслонилъ передъ мужемъ другой человѣкъ — Чертковъ, и этого она не могла перенести. Она долгіе годы была около мужа не только женой, но и духовной участницей его работъ, раздѣляла всю его жизнь. Она ночи просиживала надъ его твореніями, до десяти разъ переписывала одну „Войну и Миръ", а въ послѣдніе годы въ отвѣтъ на его дневники писала даже свои воспоминанія съ первой встрѣчи въ Ясной Полянѣ...—И вдругъ ее,—жену Толстого, заслоняетъ посторонній человѣкъ, говоритъ, что около мужа ей не мѣсто, что „отъ такой жены онъ сбѣжалъ бы въ Америку", отнимаетъ у нея то, что для нея было свѣтомъ и воздухомъ... Она сначала не понимаетъ, что творится, чувствуетъ только, что ей нанесена кровная обида, но затѣмъ нервная, страстная натура беретъ верхъ и она начинаетъ отстаивать свои права, свою жизнь... Она становится больной, чуть не истеричной, нервы отказываются повиноваться... Толстой все это видитъ, переживаетъ самъ, не спитъ ночи, доходитъ до такого состоянія, что хочетъ хотя на время покинуть Ясную Поляну.

А вотъ и другое письмо, написанное Толстымъ передъ самымъ его уходомъ изъ Ясной Поляны:

„...Отъѣздъ мой огорчитъ тебя, сожалѣю объ этомъ, но пойми и повѣрь, что я не могъ поступить иначе. Положеніе мое въ домѣ становится

невыносимымъ... Я не могу болѣе жить въ тѣхъ условіяхъ роскоши, въ которыхъ жилъ, и дѣлаю то, что обыкновенно дѣлаютъ старики моего возраста. Уходятъ изъ мірской жизни, чтобы жить въ уединеніи и тиши послѣдніе дни своей жизни. Пожалуйста, пойми это и не ѣзди за мной, если узнаешь, гдѣ я. Такой твой пріѣздъ не измѣнитъ моего рѣшенія. Благодарю тебя за твою честную 48-лѣтнюю жизнь со мной и прошу простить меня во всемъ, чѣмъ я былъ виноватъ передъ тобой, такъ же, какъ и я отъ всей души прощаю тебя, чѣмъ ты могла быть виновата передо мной. Совѣтую тебѣ помириться съ тѣмъ новымъ положеніемъ, въ которое ставитъ мой отъѣздъ, и не имѣть противъ меня недобраго чувства..."

— Помириться, съ грустью—замѣчаетъ Софья Андреевна, — да развѣ я могла съ этимъ помириться?..

Это письмо Софія Андреевна прочла утромъ, когда младшая дочь сообщила ей, что Левъ Николаевичъ „ушелъ совсѣмъ". Въ главной своей мысли оно повторяетъ то же рѣшеніе, которое высказывалъ Левъ Николаевичъ еще въ письмѣ 1897 года. Онъ „уходитъ изъ мірской жизни", хочетъ „жить въ уединеніи и тиши послѣдніе дни своей жизни"...

IV.

Только что пріѣхавъ въ Астапово, Левъ Николаевичъ продиктовалъ письмо къ своимъ старшимъ, любимымъ дѣтямъ, Татьянѣ Львовнѣ и Сергѣю Львовичу. Письмо помѣчено 1 ноября. Въ немъ Толстой пишетъ, что его уходъ есть „дѣло жизни, которому онъ служилъ сорокъ лѣтъ“. „Дѣло это не столько мнѣ дорого, сколько я признаю, ошибкой или нѣтъ, его важность для всѣхъ людей и васъ въ томъ числѣ“... И въ концѣ онъ прибавляетъ: „Благодарю васъ, за ваше хорошее отношеніе ко мнѣ. Не знаю, прощаюсь или нѣтъ, но чувствовалъ необходимость высказать вамъ то, что высказалъ“...

Сыновья Льва Николаевича, и особенно его дочери, больше другихъ были подготовлены къ его отъѣзду.

— Братъ Илья,—говоритъ Татьяна Львовна,— самъ писалъ ему: „я знаю, что, оставаясь съ нами, ты несешь крестъ“. Мы такъ и смотрѣли на его жизнь въ Ясной Полянѣ, какъ на крестъ. Онъ называлъ такую жизнь „праздной и унизительной“... Для насъ, его дочерей, имѣло, конечно, громадное значеніе, когда мы жили съ нимъ, его присутствіе...

— Пока онъ сознавалъ, что онъ полезенъ тѣмъ, съ кѣмъ онъ жилъ,—говоритъ Александра Львовна,—онъ считалъ себя не въ правѣ уйти, а когда

понялъ, что дѣло кончено, онъ почувствовалъ себя свободнымъ...

Александра Львовна первой узнала объ уходѣ отца и первой увидѣла его, затѣмъ, въ чужомъ мѣстѣ, въ Шамординѣ. Она лучше другихъ была посвящена и въ планы Льва Николаевича относительно отъѣзда.

— Куда ѣхали?

Александра Львовна говоритъ, что въ Ростовъ-на-Дону. Если бы въ Новочеркасскѣ удалось взять паспорта, то отправились бы на Кавказъ или въ Болгарію. А спѣшили такъ потому, что надо было выгадать два-три дня, чтобы скрыться. У Льва Николаевича было намѣчено нѣсколько мѣстъ, куда онъ предполагалъ ѣхать, и въ Шамордино, и въ Кочеты, въ имѣніе Сухотиныхъ, и въ имѣніе кн. Оболенскаго. Когда онъ уѣзжалъ изъ Ясной, то на вопросъ Александры Львовны отвѣтилъ:

— Вѣроятно, къ сестрѣ Маріи...

— Простудился отецъ еще въ Шамординѣ,— говоритъ Александра Львовна.—Онъ писалъ тамъ подъ открытой форточкой, я не могла оторвать его, посылала Душана Петровича, но и тотъ не уговорилъ его.

— Отецъ не разъ собирался подольше пожить у насъ въ Кочетахъ, — разсказываетъ Татьяна Львовна.

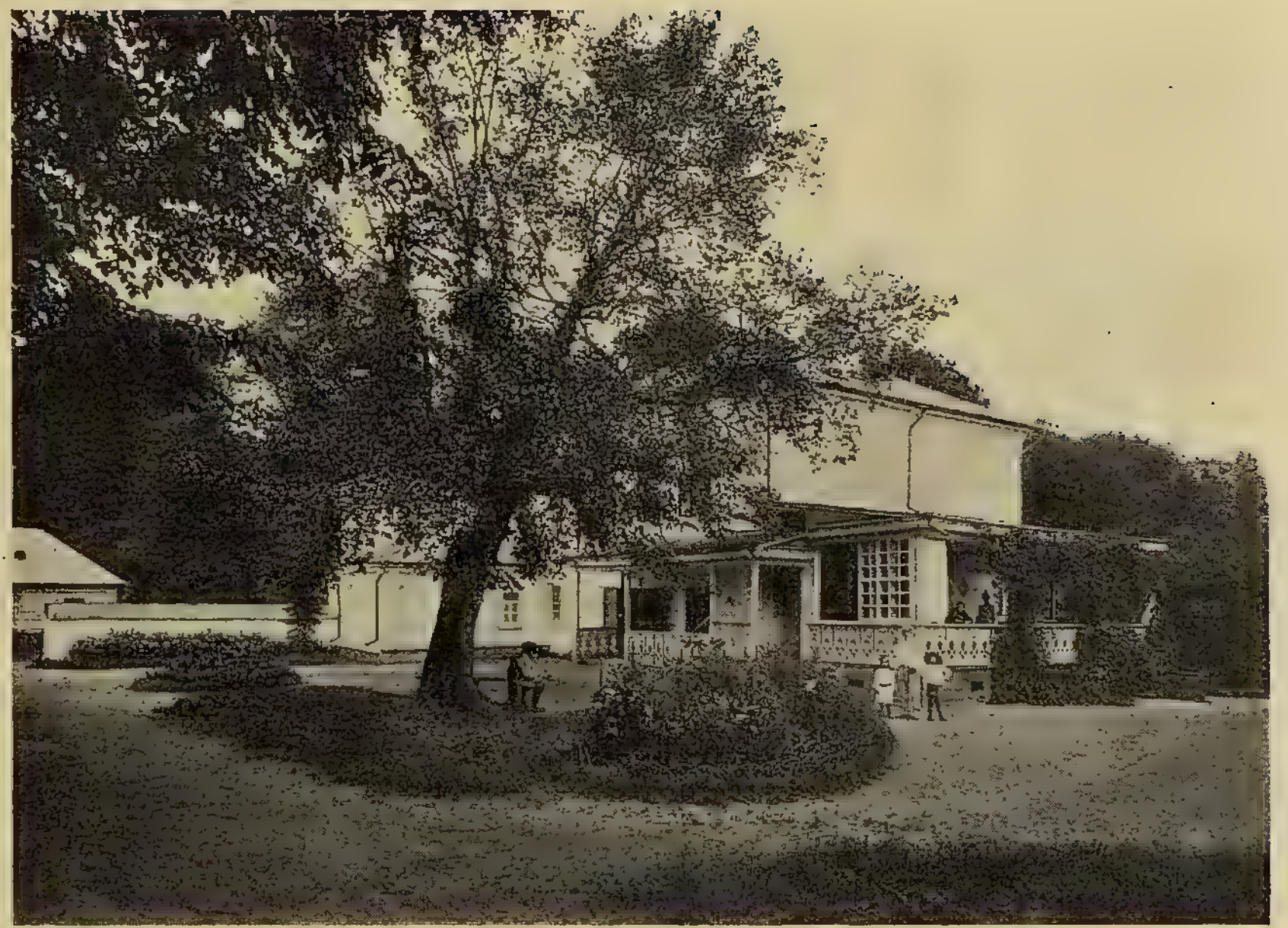
— Поѣду къ тебѣ, у тебя народъ... Мои крестьяне стали больше пріятелями, знакомыми мнѣ, а у тебя я могу ходить по деревнѣ и просить подъ окнами милостыню...

V.

Разскажу то, что мнѣ повѣдалъ докторъ Маковицкій объ уходѣ и странствованіяхъ Льва Николаевича.

— Что писали о проливномъ дождѣ, подъ которымъ Левъ Николаевичъ будто ѣхалъ въ Шамордино на станцію Козельскъ, это неправда: — дождя не было. Я могъ бы остановить Льва Николаевича, если бы сильно настаивалъ. Въ этомъ вина моя, но къ этому не было и причинъ. Въ Шамординѣ, въ послѣдній день, въ три съ половиной часа дня, я измѣрилъ температуру Льва Николаевича,—градусникъ показывалъ 36,3. Левъ Николаевичъ чувствовалъ себя все время взволнованнымъ. Вечеромъ онъ открылъ форточку и писалъ подъ ней; мы его звали, ходили къ нему, но онъ не слушался. Да и потомъ, въ Астаповѣ, онъ не слушался, и мы не могли даже переложить его съ одной постели на другую. Левъ Николаевичъ почти до послѣдней минуты самъ поступалъ по своей волѣ.

— Онъ простудился еще въ первую ночь, во время отъѣзда изъ Ясной Поляны. Онъ потерялъ въ саду шапку, искалъ ее и около двѣнадцати минутъ оставался съ непокрытой головой. Когда я вышелъ и засталъ его въ такомъ видѣ, я сейчасъ же досталъ ему другую шапку. Въ дорогѣ опять ему было холодно, и я ему далъ вторую



Яснополянскій домъ гр. Л. Н. Толстого (со стороны двора); передъ нимъ «дерево бѣдныхъ».

запасную шапку. По пути изъ Горбачева въ Козельскъ онъ часто выходилъ на площадку. Съ тѣмъ товарнымъ поѣздомъ, съ которымъ намъ надо было ѣхать, шелъ всего одинъ вагонъ третьяго класса, да и тотъ совершенно переполненный. Я ходилъ отъ одного желѣзнодорожнаго чиновника къ другому, просилъ всѣхъ дежурныхъ, чтобы прицѣпили еще вагонъ, и никто не внималъ мнѣ. Наконецъ распорядились прицѣпить вагонъ. Оберъ-кондукторъ даже предупредилъ объ этомъ публику, но раздался звонокъ и вагона не удалось получить. Когда я хлопоталъ, то мнѣ надо было все это дѣлать такъ, чтобы Левъ Николаевичъ не замѣтилъ. Поѣхали въ душномъ, переполненномъ вагонѣ, въ которомъ почти всѣ курили. Левъ Николаевичъ часто выходилъ на площадку. Насколько вагонъ былъ переполненъ, можете судить по тому, что нѣкоторые изъ пассажировъ съ билетами третьяго класса перешли въ теплушку. Хуже этого вагона я никогда не видалъ въ Россіи. Онъ былъ безъ перегородокъ, со страннымъ устройствомъ дверей, сквозняками и съ такими верхними полками, о которыя можно разбить голову. А послѣ такого переѣзда еще предстоялъ путь на лошадяхъ по невообразимой дорогѣ отъ Козельска... Я не зналъ, куда мы ѣхали, не бывалъ въ тѣхъ мѣстахъ, не могъ представить козельскихъ дорогъ.

— Ѣхалъ Левъ Николаевичъ въ Шамордино и въ Оптиной остановился потому, что было поздно.

«Ясная Поляна». Бѣлый пріемный залъ, служившій въ то же время и столовой.

Но, попавъ въ Оптину пустынь, онъ изъявилъ желаніе повидаться со старцами. Онъ два раза подходилъ къ скиту и оба раза поворачивалъ въ лѣсъ.

Въ Шамординѣ Левъ Николаевичъ высмотрѣлъ себѣ даже избу. Но если бы въ ней и удалось поселиться, Толстой этимъ бы не удовольствовался. Онъ ушелъ бы изъ міра въ пустыню и велъ тамъ созерцательную жизнь...

Яснополянскія воспоминанія о Толстомъ.

VI.

Осиротѣлой глядитъ послѣ смерти Толстого Ясная Поляна.

Бѣлый домъ со стеклянной верандой и низенькимъ крыльцомъ опустѣлъ, притихъ и начинаетъ походить на музей. Навсегда ушелъ человѣкъ, дававшій жизнь большимъ комнатамъ стараго дома, и теперь только со стѣнъ ихъ смотрятъ его умные, проникающіе въ душу глаза.

Живые стараются въ неприкосновенности сохранить память о великомъ усопшемъ. Въ комнатахъ, гдѣ онъ жилъ, въ его кабинетѣ и спальнѣ все застыло съ того утра, какъ онъ ушелъ.

Подсвѣчникъ съ догорѣвшей свѣчой и розеткой, окапанной стеариномъ, два яблока, голубая тесемочка, которой что-то было завязано, подушка на диванѣ, гдѣ отдыхалъ Левъ Николаевичъ, кресло, на которомъ около письменнаго стола любила сидѣть Софья Андреевна, шахматы, три

карточки Толстого въ разныхъ возрастахъ и открытая любимая книга „Кругъ чтенія“.

7 ноября. „Смерть есть начало другой жизни“. Монтень.

Рядомъ на этажеркѣ перечень книгъ, бывшихъ подъ рукою у Толстого. Среди нихъ два тома „Братьевъ Карамазовыхъ“, „Бытовыя явленія“ — Короленко, „Географическій и статистическій карманный атласъ Гикмана и Маркса, Ѳ. Страховъ, „Colporteur“ Мопасана, Essais de Montaigne, Энциклопедическій словарь, полутомъ шестьдесятъ первый -„Софія -Статика“.

Все это осталось въ томъ, видѣ какъ было въ день ухода Толстого, все это застыло послѣ того, какъ туда послѣ похоронъ внесли новыя вещи— серебряные вѣнки, — они заняли полкомнаты.

Спальня. На постели любимая подушечка Льва Николаевича, вышитая его сестрой, монахиней Маріей. Рядомъ на столикѣ звонокъ, круглые стеклянные часы, свѣча, спички, нѣсколько коробочекъ съ лѣкарствами. Надъ постелью портретъ Татьяны Львовны. Въ комнатѣ умывальникъ, въ углу круглый столикъ, другой маленькій съ графиномъ воды; на полу сѣдло. По стѣнамъ портреты—отца Толстого, въ военной формѣ, его умершей дочери Маріи, и два портрета Софіи Адреевны; на одномъ она, еще совсѣмъ юная, удивительно хороша. Въ простѣнкѣ между окнами зеркало, а подъ нимъ столикъ съ медикаментами, полка съ книгами.

«Ясная Поляна». Гр. Л. Н. Толстой въ своемъ кабинетѣ.

Изъ оконъ по широкой аллеѣ открывается далеко видъ въ садъ, направо на полянкѣ большая кудрявая елка... И эта комната умерла, и въ ней, около самой постели, большой лавровый вѣнокъ съ красными лентами и надписью „Огласившему пустыню жизни крикомъ—„Не могу молчать“.

Въ маленькой гостиной рядомъ съ кабинетомъ открытая книга „Мысли мудрыхъ людей на каждый день“.

Подъ датой 7 ноября два изреченія:

„Входите тѣсными вратами; потому что широки ворота и пространенъ путь, ведущіе къ погибели; и многіе идутъ ими; потому что тѣсны врата и узокъ путь, ведущіе въ жизнь, и немногіе находятъ ихъ“ (Матѳ. VII, 13—14).

„Тысячи путей ведутъ къ заблужденію, къ истинѣ только одинъ“ (Ж.-Ж. Руссо).

— Я пріѣхала на другой день послѣ того, какъ опустѣлъ домъ,—разсказываетъ сестра Софіи Андреевны, Т. А. Кузьминская,—и сохранила все въ томъ видѣ, какъ я нашла... Рядомъ съ яблоками лежала еще недоѣденная вѣточка винограду.

Комнаты Льва Николаевича ежедневно осматриваютъ пріѣзжающіе поклониться его могилѣ. И въ день моего пріѣзда, несмотря на раннее время, было нѣсколько посѣтителей. Софія Андреевна сама водила ихъ по комнатамъ и взволнованная разсказывала, какъ работалъ за своимъ столомъ

Левъ Николаевичъ, какъ онъ любилъ играть въ шахматы, какъ отдыхалъ на своемъ диванѣ.

— А въ послѣднее время и шахматы, и винтъ,— все забросилъ... Да и жили мы за эти мѣсяца одиноко и никто не пріѣзжалъ, а лѣтомъ, когда былъ въ Кочетахъ, у Сухотиныхъ, каждый день игралъ въ шахматы и въ винтъ... Таня вѣдь была его любимицей и ея мужъ тоже...

VII.

Подъ вечеръ, когда я вернулся изъ Телятниковъ отъ Александры Львовны, Софія Андреевна сидѣла въ столовой, на угловомъ диванѣ, и просматривала газеты. Она собираетъ все, что пишутъ о Львѣ Николаевичѣ, и много вздорнаго и непріятнаго ей приходилось послѣ его смерти читать. Въ письмахъ посторонніе, неделикатные люди высказывали свои сужденія, желали кого-то учить; а письма съ разными просьбами, какъ и при жизни Толстого, каждый день приходили пачками.

— О Нобелевской преміи вотъ все пишутъ,— замѣчаетъ Софія Андреевна, — разсказываютъ, будто бы дѣти и я настаивали, чтобы Левъ Николаевичъ не отказывался отъ Нобелевской преміи. А объ этомъ и разговору не было: я какъ-то даже не могу совмѣстить идею мира съ представленіемъ о деньгахъ.

— Кстати, о нашей корысти... Года три назадъ въ Ясную Поляну пріѣзжалъ повѣренный, кажется, лейпцигской издательской фирмы, предлагалъ миліонъ за передачу сочиненій Толстого въ вѣчную собственность фирмы и выкладывалъ двѣсти тысячъ задатку. Я отказалась наотрѣзъ и помню, какъ это изумило иностранца, который замѣтилъ, что онъ въ первый разъ слышитъ, чтобы не нужны были деньги...

Во время моего пребыванія въ Ясной Полянѣ разговоръ какъ-то снова вернулся къ Нобелевской преміи, и Татьяна Львовна также не могла скрыть своего возмущенія по поводу вздорныхъ сплетенъ.

Заговоривъ о Нобелевской преміи, о мирѣ, вспомнили войну.

— Вы вѣроятно не знаете, — говоритъ Софія Андреевна,—вѣдь Левъ Николаевичъ хотѣлъ идти въ ряды арміи въ турецкую войну.

„Вся Россія тамъ, и я долженъ идти...“

— Какихъ только трудовъ стоило уговорить его, объяснить, что своимъ перомъ онъ можетъ принести бо́льшую пользу Россіи...

Заговорили про рукописи, про издательство.

Софія Андреевна въ то время подготовляла къ выпуску 20 томовъ собранія сочиненій Толстого, написанныхъ до 1881 года. Въ сравненіи съ послѣднимъ изданіемъ, отъ котораго въ Россіи въ моментъ смерти Толстого осталось что-то семь или восемь экземпляровъ, Софія Андреевна включила

много новыхъ вещей, а нѣкоторыя изъ старыхъ сдала въ печать въ другой редакціи, по новымъ найденнымъ спискамъ.

— Въ бумагахъ дѣтства,—говоритъ Софія Андреевна, — нашли письмо Льва Николаевича къ его брату Сергѣю, въ которомъ онъ пишетъ, что очень опечалился, когда увидѣлъ свою повѣсть „Дѣтство и отрочество“ въ печати. Цензура и редакція „Современника“ внесли много измѣненій и исправленій...

— „Если ты встрѣтишь какія-нибудь пошлости или нелѣпости, то знай, что это сдѣлали редакція и цензура“.

— Прочтя это письмо, я достала рукопись, написанную цѣликомъ рукою Льва Николаевича, и стала сравнивать ее съ текстомъ. Кропотливая работа... Потребовалось около двухъ мѣсяцевъ, но трудовъ не жалко, такъ какъ получились хорошіе результаты. Рукопись гораздо полнѣе, ярче, свѣжѣе, чѣмъ то, что въ книгѣ. Я не припомню сейчасъ всѣхъ исправленій, но даже были исправленія отдѣльныхъ словъ, измѣнявшихъ смыслъ, извращавшихъ прежнюю яркость мысли.

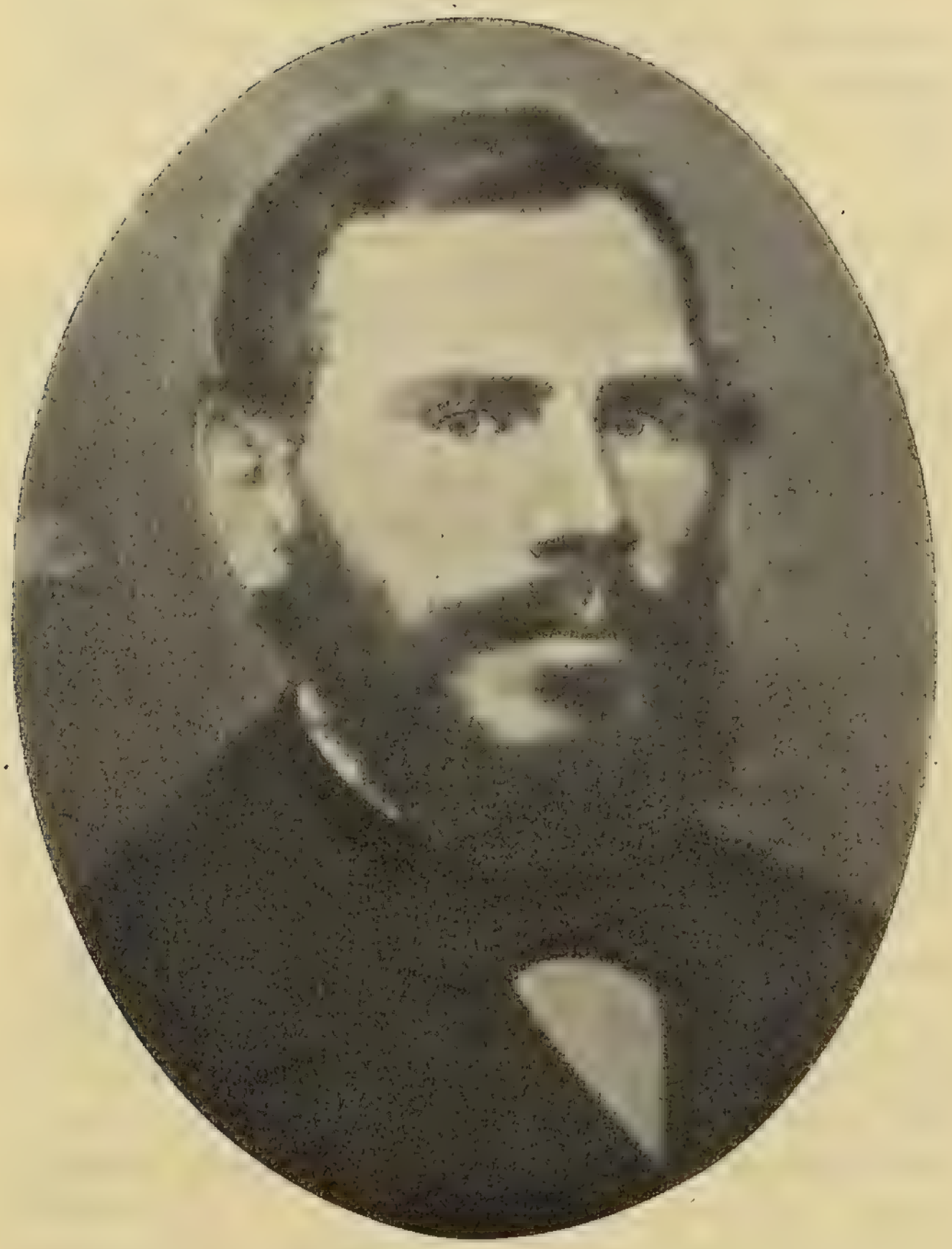
— „Гдѣ тѣ *смѣлыя* молитвы, которыми молишься въ дѣтствѣ“,— пишетъ Толстой. Редакція „Современника“ измѣняетъ и печатаетъ „горячія молитвы“. Съ другой стороны, въ той рукописи, которую я нашла, нѣтъ нѣкоторыхъ мѣстъ, попавшихъ въ книгу, повидимому,—рукопись не послѣд-

няя. Поэтому изъ книги пришлось взять такія сцены, какъ, напримѣръ, уборка хлѣба,—написанныя позже.

VIII.

— Критика догматическаго богословія,—вспоминаетъ Софья Андреевна, — была послѣднимъ произведеніемъ, которое я переписывала. По моей просьбѣ Левъ Николаевичъ сгладилъ въ ней нѣкоторыя рѣзкости, согласившись, что спокойный, сдержанный тонъ куда болѣе авторитетенъ. Онъ и раньше по моей просьбѣ выкинулъ изъ „Войны и Мира“ чувственныя сцены съ Элленъ... Послѣ меня, когда около Льва Николаевича сдѣлался близкимъ человѣкомъ Чертковъ, стало не то. Онъ, напротивъ, возстановлялъ тѣ сцены, которыя не хотѣлъ печатать самъ Левъ Николаевичъ. Такъ было съ „Воскресеніемъ“, съ главой, въ которой описывается обѣдня.

— Чертковъ пріѣзжалъ сюда и мѣшками увозилъ рукописи Льва Николаевича; случалось, что онъ бралъ ихъ прямо со стола неоконченными, и Льву Николаевичу приходилось посылать за ними въ Телятники, чтобы дописывать и исправлять. Секретари Черткова тоже постоянно являлись, забирали рукописи и цѣлыя тетради. Левъ Николаевичъ былъ всегда слишкомъ деликатенъ и, не подпадая подъ вліяніе, уступалъ въ томъ, что для него казалось не главнымъ,—людямъ, съ которыми онъ находился.



Гр. Л. Н. Толстой въ день своей свадьбы.

Говоря о Чертковѣ, Софія Андреевна вовсе не отнимаетъ его заслугъ, признаетъ, что онъ много тратилъ времени и средствъ на собираніе и изданіе рукописей Толстого...

— Онъ коллекціонеръ и со страстностью собиралъ каждую бумажку Толстого.

И Софія Андреевна вспоминаетъ приключенія съ рукописями мужа въ то время, когда дѣти еще росли, когда у нея было много заботъ по дому, и она часто уѣзжала въ Москву.

— Возвратившись однажды изъ города, я пошла зачѣмъ-то къ шкафу, гдѣ лежали два большихъ кулька съ рукописями. Шкафа нѣтъ,—спрашиваю: „гдѣ шкафъ“,—говорятъ, Сергѣй Львовичъ велѣлъ перенести къ себѣ. „А кульки?“—“Кульки выбросили въ канаву“. Я искать, и, къ счастью, кульки не пропали, но ихъ вынули сильно подмоченными, такъ какъ они пролежали въ канавѣ съ марта до мая мѣсяца.

Татьяна Львовна вспоминаетъ другой случай. Она была еще совсѣмъ юной. Зашла какъ-то въ кухню, гдѣ поваръ дѣлалъ ея любимые пирожки. Пирожки завертывались въ бумагу, и когда Татьяна Львовна стала разсматривать бумажки, видитъ, онѣ исписаны и то и дѣло попадаются знакомыя имена: „Наташа, Николай“...

Оказалось, что поваръ заворачивалъ пирожки въ одну изъ рукописей „Войны и Мира“.

Но все это было давно, когда дѣти Толстого только еще подростали. Впрочемъ и тогда Софія

Андреевна умѣла урывать время отъ дѣтской и отъ хозяйства, и ночами просиживала, переписывая ту же „Войну и Миръ“. И съ какою любовью она это дѣлала.

IX.

Хочу пересказать сказку. Я слышалъ ее отъ Софіи Андреевны въ полумракѣ стараго бѣлаго зала, со стѣнъ котораго смотрятъ портреты Толстого и его предковъ.

Далекое, милое время... Когда о немъ говорятъ, то вмѣсто датъ отмѣчаютъ: „Когда еще не было желѣзныхъ дорогъ“... Тогда ѣздили въ дормезахъ, въ знаменитыхъ анненскихъ каретахъ, но тогда для любви не существовало разстояній,— умѣли увлекаться, красиво мечтать...

Софія Андреевна совсѣмъ юной, шестнадцатилѣтней барышней, со своими сестрами, съ матерью и съ Маріей Николаевной, сестрой Толстого, только что вернувшейся изъ Алжира, пріѣхала впервые въ Ясную Поляну. Всѣ ушли въ залъ. Занялись разговорами. Она одна осталась на балконѣ, залюбовалась на тѣнистый садъ, задумалась о чемъ-то и не слышала, какъ сзади подошли.

— Какая вы ясная, открытая вся...

Она обернулась и увидѣла Льва Николаевича...

Это была первая минута, когда они остались вдвоемъ.

Потомъ, она съ сестрами и матерью уѣхала къ себѣ въ имѣніе, а Левъ Николаевичъ пріѣзжалъ къ нимъ верхомъ за сорокъ верстъ. Потомъ они вмѣстѣ ѣхали въ Москву въ анненской каретѣ. Мѣста были разобраны и Льву Николаевичу, который хотѣлъ непремѣнно ѣхать съ ними, досталось мѣсто снаружи. Около него было еще другое свободное, и сестры рѣшили поочереди выходить изъ кареты и садиться съ Толстымъ. Дошла очередь и до Софіи Андреевны, но старшая сестра, которая была неравнодушна ко Льву Николаевичу, просила уступить ей мѣсто. Софіи Андреевнѣ это было непріятно, но она уступила ей и стала садиться въ карету. А Левъ Николаевичъ уже кричалъ:

— „Что же вы, Софія Андреевна, теперь вашъ чередъ“...

— Мнѣ что-то холодно, я внутри поѣду.

Льву Николаевичу это очень не понравилось, и онъ пересѣлъ на козлы.

Потомъ Москва... Болѣе частыя встрѣчи и... объясненіе. Вы его читали въ „Аннѣ Карениной“... Объясненіе Кити съ Левинымъ... Левъ Николаевичъ писалъ мѣлкомъ на карточномъ столѣ длинный рядъ буквъ, и только потому, что среди нихъ попадались заглавныя, Софія Андреевна, хотя и съ напряженіемъ, но вѣрно составила фразу, написала сама, и снова прочла то, что ей отвѣтилъ Толстой.

Далекое, милое время... Оно въ прошломъ, и въ прошломъ со смертью мужа вся Софія Андре-

Софія Андреевна Берсъ въ 1860 г., будущая супруга Толстого.

евна. Ни на минуту не покидаетъ ее мысль о томъ, съ кѣмъ она провела сорокъ восемь лѣтъ своей жизни. Сидитъ ли она одна, она перечитываетъ письма и вспоминаетъ его, войдетъ ли въ его кабинетъ, опускается на любимое кресло, подаютъ ли за столомъ кушанья—она и тутъ вспоминаетъ Льва Николаевича.

— Это его любимое блюдо...

А когда настаетъ вечеръ, она не находитъ себѣ мѣста, запирается въ комнатѣ мужа и никто не знаетъ, когда она ложится спать и когда просыпается.

Тяжелыя, длинныя ночи...

— Скоро домъ мертвый будетъ... Всѣ уѣдутъ... И останется она одна...

X.

Внизу, въ томъ же домѣ засталъ другого человѣка, тоже любящаго, страдающаго, тоже въ воспоминаніяхъ...

Душанъ Петровичъ Маковицкій.

Онъ не былъ докторомъ около Толстого. Онъ былъ ученикомъ, обожалъ своего учителя, и въ каждомъ словѣ Душана Петровича о Толстомъ чувствуется преклоненіе. Воля Толстого для него свята. Всѣ слова и дѣйствія свои онъ согласуетъ съ ученіемъ Толстого.

Докторъ Маковицкій выѣхалъ вмѣстѣ со мной въ Телятники къ Александрѣ Львовнѣ. Порядочно

отъѣхали отъ дому, когда навстрѣчу попались крестьяне.

— Это навѣрно ко мнѣ, больные...

Маковицкій заторопился, вышелъ изъ экипажа, догналъ крестьянъ, попросилъ меня обождать, но скоро вернулся и говоритъ:

„Вы ужъ поѣзжайте одинъ, я вернусь... Надо съ больными...“

И такъ во всемъ и ко всѣмъ онъ полонъ заботливости, доброты и смиренія.

Онъ получаетъ много писемъ, особенно отъ своихъ земляковъ изъ славянскихъ земель, всѣмъ отвѣчаетъ, имѣя въ виду только одно — распространеніе идей Толстого.

„Душа Петровичъ“,—называютъ доктора крестьяне.

— Дорогой Душанъ...—звалъ его передъ смертью Левъ Николаевичъ.

И всѣмъ своимъ видомъ, всей фигурой, блѣднымъ, безкровнымъ лицомъ, тихими незамѣтными движеніями, спокойствіемъ, печальнымъ голосомъ,—Маковицкій кажется полною противоположностью другому человѣку, ставшему близкимъ около Толстого, заговорившему о „борьбѣ“, которой не понималъ Левъ Николаевичъ.

— Чертковъ вовлекъ меня въ борьбу,—говорилъ Толстой,—но эта борьба мнѣ противна...

Тяжелое воспоминаніе по себѣ оставилъ Чертковъ въ стѣнахъ Ясной Поляны.

Изъ другихъ лицъ, находившихся одно время близко къ Толстому, много нелестнаго мнѣ пришлось выслушать о знаменитомъ въ своемъ родѣ Феерманѣ, выступающемъ подъ псевдонимомъ Тенеромо. Разсказывали, какъ онъ появился въ Ясной Полянѣ, какъ Татьяна Львовна съ Бибиковымъ его крестила, какъ затѣмъ онъ добивался и получилъ мѣсто учителя, какъ первое время имѣлъ видъ убѣжденнаго толстовца, а потомъ сталъ издавать воспоминанія, въ которыхъ черезъ два слова въ третье была неправда... Толстой самъ писалъ къ одному латышскому писателю, что въ книжкѣ Тенеромо „Толстой о Евреяхъ“ — все выдумка. Въ Ясной Полянѣ добавляютъ, что и въ „Живыхъ словахъ“ Тенеромо изъ сорока разговоровъ правдивыхъ не больше четырехъ-пяти.

Стоитъ ли, впрочемъ, объ этомъ разсказывать. Это тоже „коллекціонеръ“, только въ другомъ родѣ.

XI.

Много говорилось послѣ смерти Толстого объ издательствѣ и выкупѣ Ясной Поляны... Сообщалась даже крупная сумма, въ которую сыновья Толстого оцѣнили свою землю въ Ясной Полянѣ. Въ самой Ясной объ этомъ разговоровъ не слышно. Семьѣ, конечно, хотѣлось бы, чтобы имѣніе перешло въ національную собственность, чтобы въ домѣ былъ устроенъ музей, а въ службахъ, изъ

которыхъ многія очень обширны—больница или какія-нибудь другія полезныя учрежденія.

Но какъ это сдѣлать?

Мнѣ кажется, что не семьѣ Толстого объ этомъ думать. Въ Россіи достаточно учрежденій, начиная съ Г. Думы и Академіи Наукъ, которыя первыми должны позаботиться о сохраненіи Ясной Поляны, а одновременно и о томъ, чтобы избавить вдову и дѣтей Толстого отъ всякихъ заботъ и хлопотъ.

Послѣ Толстого осталось одной чистой беллетристики больше пятидесяти листовъ. О ней и приходится главнымъ образомъ заботиться. Кромѣ того множество философскихъ, религіозныхъ и другихъ очерковъ, письма Толстого, и много мелкихъ, разбросанныхъ вещей. Имѣется между прочимъ „Предисловіе къ мыслямъ на каждый день". Толстой писалъ ихъ два года, измѣняя редакцію что-то до шестидесяти разъ. Кромѣ того, Чертковъ приготовлялъ „Сводъ мыслей" Толстого въ тридцати шести томахъ.

На могилѣ.

XII.

Едва свѣтало, когда я подъѣхалъ къ Ясной Полянѣ.

Расписаніе поѣздовъ такъ устроено, что въ Щекино или на Засѣку можно попасть только раннимъ утромъ, часовъ въ шесть или поздно вечеромъ. Приходится ѣхать на Тулу, а оттуда уже на лошадяхъ до Ясной.

На дворѣ декабрь, а снѣгу только кое-гдѣ мѣстами напорошило и ѣздятъ на колесахъ по скользкой, обледенѣвшей дорогѣ; на спускахъ и подъемахъ лошади спотыкаются, падаютъ, — да и тарантасъ того и гляди свернетъ на сторону.

Оставивъ шоссе и взявъ на проселокъ, лошади заворачиваютъ въ хорошо всѣмъ знакомыя по фотографіямъ ворота съ преземистыми, толстыми башенками и по аллеѣ, усаженной елками, мимо бѣлаго дома, въѣзжаютъ черезъ калитку въ старый фруктовый садъ. Холодныя, обнаженныя вѣтки

яблонь зацѣпляютъ за кузовъ тарантаса, за шапку кучера, бьютъ по лицу... Лошади бѣгутъ дальше по свѣжепроѣзженной дорогѣ, выходящей къ лѣсу, къ тому мѣсту, гдѣ Левъ Толстой игралъ ребенкомъ со своими братьями, гдѣ онъ потомъ сиживалъ часами, окруженный ясно-полянской дѣтворой, и гдѣ теперь онъ похороненъ.

Свѣжая могила совсѣмъ въ лѣсу. За тѣсно прислонившимися другъ къ другу деревьями она не видна даже въ нѣсколькихъ шагахъ, и только бѣлый заборчикъ обозначаетъ мѣсто, къ которому стекается сейчасъ столько народу. За рѣшетку взято четырнадцать деревьевъ: дубки, липы, кленъ. Холмикъ, расположенный наискось, и понижающійся къ калиткѣ, покрытъ ельникомъ, пальмовыми вѣтвями, вѣнками... На деревьяхъ тоже вѣнки. Они висятъ на сучьяхъ по два, по три; между ними есть совсѣмъ свѣжіе, зеленые, недавно принесенные. Снѣгъ счищенъ и холмикъ обсыпанъ кругомъ желтымъ пескомъ. Деревья, поскрипывая и слегка покачиваясь, какъ будто отвѣчаютъ шуму, доносящемуся изъ большого лѣса; къ лѣту они одѣнутся листвой и совсѣмъ скроютъ могилу, а пока—направо, за оврагомъ, внизу виднѣется перелѣсокъ, а за нимъ густой лѣсъ—березнякъ, И такъ хорошо здѣсь, что кажется часами бы сидѣлъ, прислушиваясь къ шуму деревьевъ, боясь, чтобы тебѣ кто не помѣшалъ.

— Поди озябли, баринъ...—вывелъ меня изъ оцѣпенѣнія дѣтскій голосъ.

Почти рядомъ стоялъ подростокъ-мальчикъ, въ валенкахъ, тулупчикѣ и въ большой мѣховой шапкѣ.

— Ты что же—изъ здѣшнихъ?

— Да, изъ Ясной Поляны. Меня зовутъ Иванъ Жаровъ, —и мальчикъ, припоминая, сталъ мнѣ разсказывать про Льва Николаевича.

— Мы съ нимъ вездѣ хаживали. Я двѣ зимы къ нему учиться ходилъ... Вона тамъ, подальше, подъ елками, мы и скамейку поставили и отдыхали. Купались тоже съ нимъ; онъ часто съ ребятами купаться ходилъ и училъ насъ, какъ плавать нужно, а самъ впереди шелъ.

— А чему училъ васъ Левъ Николаевичъ.

— Чему?.. Какъ на свѣтѣ жить... читалъ ученіе Іисуса Христа, Евангеліе, не велѣлъ никогда ругаться, ни пить вина, ни курить... Въ деревенскую школу тоже заходилъ и ему тамъ урокъ разсказывали,—и со вздохомъ мальчикъ добавилъ:— намъ безъ него сейчасъ скучно какъ-то, онъ никогда не ругался...

— Поди хорошо купаться-то здѣсь?

— Да... Вотъ и дорога на купальню мимо могилы, ручеекъ онъ небольшой—Воронкой зовется.

— Ты что же на могилку такъ рано пришелъ?

— Провѣдать. У меня отца нѣтъ, меня Левъ Николаевичъ дюже любилъ... Насъ у матери семеро.

Пока мальчикъ мнѣ разсказывалъ, я, осматривая мѣстность вокругъ могилы, обратилъ вниманіе

Усадьба «Ясная Поляна» (видъ съ поля).

на заборчикъ. Онъ не избѣгъ общей участи и по заведенному у насъ странному обычаю покрывается надписями. Пишутъ по-русски, по-французски, по-итальянски, по-гречески, расписываются около могилы Толстого—Ивановы и Петровы всего міра, не оставляя ничего, кромѣ безпросвѣтной пошлости. „Вѣчная память свободному христіанину“, „у этой святой могилы даю слово не курить, не ѣсть ничего мясного“, „безсмертному Толстому“, „такъ хочется много сдѣлать ради твоего имени“... Кому все это нужно, и какъ только не стыдно...

— Параша идетъ, юродивая,—сообщилъ Ваня Жаровъ, показывая на приближавшуюся немолодую крестьянку съ какимъ-то тупымъ, боязливымъ выраженіемъ лица. Параша зашла за калитку, стала на колѣни, поклонилась ей нѣсколько разъ и заголосила:

Ужъ куда ты, несмышлененькій, ушелъ,
Ужъ куда ты собирался,
По какой-то по дороженькѣ,
Ужъ на кого ты насъ оставилъ глупенькихъ,
На кого ты бросилъ насъ...
На кого покинулъ насъ...
Ужъ бывало скажетъ: Парашенька,
Ужъ пригрѣю я, помилую...
Охъ, ужъ горе-горюшко,
Ужъ милый ты, ужъ хорошій ты.
Охъ—охъ-охъ...

Юродивая то плакала, то заливалась дикимъ хохотомъ и, покачивая головой, бросалась къ мо-

гилѣ, то всхлипывая тоненькимъ пронзительнымъ голосомъ, заносилась куда-то ввысь. И жутко было слушать ее. А какъ кончила, отошла отъ могилы: какъ будто ничего и не было—глаза совсѣмъ сухіе.

Во время причитаній подошли двѣ женщины и теперь пытались заговорить съ Парашей.

— Не гонятъ тебя съ барскаго двора?

— Нѣ... Графиня платокъ купила... Ходи, говоритъ, поплакать на могилку.

— Это безумная женщина,—поясняетъ мальчикъ.—Она за телятами ходитъ. А вотъ теперь по нѣсколько разъ на день все голоситъ на могилѣ.

Крестьяне „о своемъ Львѣ Николаевичѣ“.

XIII.

Воспользовавшись раннимъ временемъ, я проѣхалъ съ Ваней Жаровымъ на деревню. Хорошій видъ имѣетъ деревня. Избы все больше кирпичныя, просторныя, а деревянныхъ только нѣсколько, у особенно бѣдныхъ. У Ваниной матери по вдовьему дѣлу, кажется, самая плохая изба. Разъ-другой шагнулъ и стѣна. Дырявый деревянный полъ, русская печка, рядомъ лавки, а на нихъ, прячась въ уголъ и прижавшись другъ къ другу, сидятъ четверо ребятъ. Лица блѣдныя, глазенки большіе, сами грязныя, нечесанныя. Хозяйка тоже не лучше. На лицѣ, да и во всей фигурѣ—такъ и сказываются слѣды непосильной мужицкой работы.

— Хлѣбъ дюже мучитъ,—разсказываетъ Наталья Жарова.—Шесть пудовъ въ мѣсяцъ съѣдаемъ, а пахоты у меня всего одна десятина. Двадцать рублей работнику за лѣто плачу. Левъ

Николаевичъ давали мнѣ три рубля въ мѣсяцъ, вотъ мы и жили.

— А другіе на деревнѣ, поди, лучше тебя живутъ?—спрашиваю Наталью.

— Если кто извозомъ въ Тулѣ занимается, оно дѣвствительно лучше, а только заработки у мужиковъ и совсѣмъ малые. Что избы, которыя кирпичныя, такъ его сами выдѣлываютъ и обжигаютъ.

— Графъ многимъ помогалъ, при немъ просто было. Я дрова всегда у него брала... Въ прошломъ году Черкеса поставили; а и при немъ брали.

— Не любилъ Левъ Николаевичъ этого Черкеса,—вставляетъ свое замѣчаніе Ваня, который уже забрался на печку и грѣется тамъ. „Зачѣмъ это, говорилъ, ты, братецъ, ѣздишь тутъ? Брось ты свое ружье въ рѣку...

— Такихъ, чай, и на свѣтѣ не найдешь,—продолжаетъ Наталья.—Какія нехватки—сейчасъ къ нему, а онъ приказчику записку напишетъ, чтобы дровъ выдалъ, или тамъ что другое. Тридцать шесть рублей въ годъ получала, вѣдь на это жить можно. Самъ часто въ избу хаживалъ... не разъ скажетъ: „трудно поди тебѣ, Наталья“. Корову мнѣ купилъ послѣ мужа.

Въ углу у печки зашипѣлъ самоваръ. Наталья достала чайникъ, подлила въ него горячей воды и предложила мнѣ и ямщику чаю.

— Твердый былъ старикъ,—продолжала она разсказывать,—я двадцать два года живу здѣсь, а на тарантасѣ его никогда не видѣла—все вер-

хомъ... Ѣдетъ эдакъ бодро, а борода по сторонамъ раздымается.

— У меня портретъ его верхомъ есть,—замѣчаетъ Ваня.

— За день до того, какъ уйти, въ школѣ былъ... Когда прослышали, что графъ померъ, никто и вѣрить не хотѣлъ.

Отъ Натальи въ сопровожденіи Вани я пошелъ къ школѣ. Школа эта церковно - приходская, стоитъ въ концѣ деревни, совсѣмъ особнякомъ, чуть-что не въ полѣ. Комната крохотная, а въ ней 90 человѣкъ ребятъ. Ихъ тоненькіе голоса слышны еще съ улицы, а когда войдете въ комнату, совсѣмъ пчелиный рой. Учатся грамотѣ, читаютъ по складамъ вслухъ, постоянно перебивая другъ друга и переспрашивая совсѣмъ юнаго учителя. Онъ недавно переведенъ сюда и Льва Николаевича почти не зналъ. Но мнѣ казалось, что даже и онъ недоумѣваетъ... Памятники Толстому? Съ чего казалось бы начать, какъ не съ постройки въ Ясной Полянѣ школы, достойной имени Толстого.

Хотѣлось повидать стариковъ-крестьянъ, пріятелей Льва Николаевича, но пока я добрался до нихъ, наслышался еще не мало.

— Трудно сказать, какой былъ человѣкъ,—съ сожалѣніемъ собщаетъ молодая крестьянка, остановившая моего спутника Ваню.—Погоритъ кто, лошадь ли падетъ, корова—всѣ къ нему. И изъ дальнихъ многіе шли... Въ прошломъ году стар-

шина къ намъ за податями пріѣзжалъ, у кого скотъ бралъ, у кого самоваръ, одежу; только прослышалъ объ этомъ Левъ Николаевичъ, пришелъ на деревню и за всѣхъ старшинѣ заплатилъ. Да и не одинъ Левъ Николаевичъ, всѣ они такіе добродушные, и Александра Львовна, и Татьяна Львовна, да и сама Софья Андревна.

XIV.

Семенъ Рѣзуновъ... Онъ одинъ изъ первыхъ учениковъ Толстого и помнитъ его еще мировымъ посредникомъ. Хотя Рѣзунову сейчасъ всѣ шестьдесятъ пять, но, говоря про Льва Николаевича, онъ называетъ его „старикомъ". Такъ и началъ мнѣ, когда я вошелъ въ его просторную, свѣтлую, выбѣленную избу.

— Осиротѣли безъ старика...

— Я учился у Льва Николаевича, когда онъ былъ мировымъ посредникомъ по первому разряду. Тогда еще желѣзныхъ дорогъ не было... Хорошее ученіе было, просто прелесть. Помню это, выслалъ кто-то на Льва Николаевича три тысячи, а онъ на нихъ банкъ устроилъ въ деревнѣ, только старшина у насъ въ ту пору пьяница былъ. Скоро расточилъ деньги, и исчезла вся банка...—Много школъ тогда поставилъ Левъ Николаевичъ, а насъ шесть мальчиковъ у себя училъ.

— Позабылъ я, конечно, многое, а только помню, какъ въ одно прекрасное время мас-

лянницу справляли. Бабы были двѣ наняты на барскомъ дворѣ и весь день блины пекли. А мы комедію представляли; гостинцевъ цѣлыя кадушки привезъ Левъ Николаевичъ и всѣхъ одѣлялъ. Одни мальчишки бабами вырядились, а я старикомъ, и борода у меня была прицѣплена изо льна. И такъ-то занятно представляли. Приходитъ будто мужикъ къ дьячку и спрашиваетъ: „а хорошо ребята у тебя учатся?“ А тотъ ему и отвѣчаетъ: „какъ учу, другимъ не выучиться,—на скамеечку кладу да розогъ пятокъ даю. Послѣ охъ какъ рѣзво читаютъ“.—„А сколько съ меня возьмешь?“ спрашиваетъ мужикъ. „Мѣру гороха, полмѣры крупы, масла фунта три коровьяго, да денегъ рубль“. А кто бабой былъ одѣтъ, тотъ показывалъ, что ребенка качаетъ и пѣсню поетъ:

«Баю-баюшки, баю,
Живетъ баринъ на краю—
Онъ ни бѣденъ, ни богатъ,
Только семеро ребятъ,
Всѣ по лавочкамъ сидятъ,
Кашку маслену ѣдятъ...

Изобразивъ масляничное представленіе, старикъ усмѣхнулся и добавилъ: „Молодой тогда былъ еще Левъ Николаевичъ“...

— А по воскресеньямъ одѣлялъ всѣхъ насъ карандашами и бумагой. Микифоръ только одинъ плохо учился, ему Левъ Николаевичъ сдѣлалъ изъ сахарной бумаги колпакъ, а на спину прикололъ

записку: „Никифоръ Шураевъ—дубина“. Всѣ читали эту записку и Микифору было посрамленіе. Онъ стонтъ, плачетъ, заливается, а Сергѣй Николаевичъ—братъ нашего и говоритъ: „Неловко, Лева, сними“. Ну, Левъ Николаевичъ, разумѣется, снялъ, да только сильно онъ съ этимъ Шураевымъ замучился—ничего тотъ понять не могъ. Левъ Николаевичъ говоритъ ему: „Читай „ю“, а Микифоръ „фю“...

Отъ дѣтскихъ воспоминаній Семенъ перешелъ къ послѣднимъ годамъ Толстого.

— Часто хаживалъ ко мнѣ Левъ Николаевичъ... Лѣтомъ на Николу былъ... Вьюга завывала, идетъ это, помню, обвязавшись.

— Надоѣдаютъ поди, говоритъ, постояльцы (Рѣзуновъ сейчасъ какое-то должностное лицо на деревнѣ, чуть ли не десятскій). Нельзя ли ночлежный сдѣлать?

– Какое тамъ ночлежный... Мы, Левъ Николаевичъ, едва школу поддерживаемъ.

— Я помогу... Которые почище, можно на квартиру. Вотъ и ко мнѣ намедни приходилъ человѣкъ, сталъ на колѣни и проситъ: „Дай одѣться, Левъ Николаевичъ“. Я передъ нимъ тоже на колѣни и говорю: „Нѣту, возьми денегъ“...

— Много добра дѣлалъ,—замѣчаетъ со вздодомъ Семенъ.—Царство Божіе ему...

— Нѣкоторые изъ нашихъ сумлѣваются, почему креста на могилѣ нѣтъ. А я такъ полагаю,

не въ этомъ дѣло. Не любилъ поповъ Левъ Николаевичъ. Грабятъ, говорилъ онъ, съ живого и съ мертваго... Да и то разсудите: неужели бы у него денегъ не хватило похоронить себя какъ слѣдуетъ, а земля—она всѣмъ одинакова. А какъ хоронили его, сколько народу было, на деревьяхъ словно воронье сидѣло. И вспомнилось тогда мнѣ, какъ училъ насъ Левъ Николаевичъ: „Имѣй, говоритъ, Бога въ душѣ, про себя держи". Евангеліемъ одѣлялъ и часто читалъ его намъ. А самъ бывало все сумлѣвался. „Мужичокъ какъ помираетъ—въ тѣснотѣ, а за мной ходятъ, простору у меня сколько".

Семенъ задумался, опустилъ голову, просидѣлъ такъ нѣсколько мгновеній, а потомъ, словно встрепенувшись, сразу повеселѣлъ. Онъ опять вспоминалъ молодые годы, когда ходилъ къ Толстому, и съ нимъ вмѣстѣ работалъ.

— Присылаетъ какъ-то за мной Левъ Николаевичъ. „Скажите Семену, чтобы бралъ косу и косить шелъ"... Сергѣй Львовичъ въ ту пору еще маленькимъ былъ. Пошли косить, Левъ Николаевичъ не отстаетъ, а потомъ умаялся и кричитъ: „Соня, принеси намъ напиться". Графиня приказала принести квасу, разостлала на травѣ салфетку. „Чего жъ ты не пьешь?" спрашиваетъ меня.—„У насъ такъ не водится,—говорю.—Хозяинъ подноситъ". Засмѣялся... А поработали еще и чай пошли пить. А чай-то съ ромомъ; я выпилъ его, а въ глазахъ словно галки пошли.

Уголокъ деревни «Ясная Поляна».

— Здоровъ былъ косить Левъ Николаевичъ. Нонѣшніе не то... Недаромъ онъ и на дѣтей жалился. „Намъ приходится работать, говорилъ, а вотъ дѣти все по лѣсамъ, да съ собаками ходятъ“.

XV.

Отъ Семена я пошелъ было къ другому пріятелю Толстого—старику Тарасу, да оказалось, что онъ въ Тулу уѣхалъ. Зато мнѣ передали воспоминанія о Толстомъ яснополянской крестьянки Ксеніи Шураевой. Не прибавляя къ нимъ ни слова, передаю ихъ въ томъ видѣ, какъ получилъ отъ Шураевой.

— Когда я узнала, что умеръ нашъ графъ Левъ Николаевичъ, то мнѣ очень было жаль великаго, дорогого человѣка. Онъ для насъ, яснополянскихъ крестьянъ, дѣлалъ одно лишь добро, искренно жалѣлъ и ласкалъ насъ, какъ малодушныхъ дѣтей.

И вотъ одно изъ ея воспоминаній о Львѣ Николаевичѣ, которое меня сильно тронуло.

— Было это въ прошломъ 1909 году, 23 октября; у насъ въ Ясной Полянѣ было назначено везти новобранцевъ въ нашъ уѣздный городъ Крапивну. Пять человѣкъ было объявлено годными, и сельскій староста повѣстилъ, чтобы 23 октября, въ 10 час. утра, выѣзжали изъ деревни новобранцы.

„Я вышла посмотрѣть, какъ пойдутъ новобранцы, и послушать, какъ будутъ голосить ихъ матери, жены и сестры. На улицѣ я увидала идущихъ новобранцевъ, съ ними вмѣстѣ и Льва Николаевича. Со всей деревни собралась толпа народа, чтобы провожать ихъ. Новобранцы заходили въ дома другъ къ другу, чтобы съ горя выпить, и Левъ Николаевичъ заходилъ съ ними.

„Увидавши толпу, я пошла слѣдомъ за ней. Вошли мы въ избу одного мужика. Всѣ сѣли за столъ, стали пѣть пѣсни и играть въ гармонію. Левъ Николаевичъ сѣлъ около печи, чтобы никому не мѣшать. Одѣтъ онъ былъ въ чуйку и подпоясанъ кушакомъ. Въ это время хозяйская сноха, не знавшая графа, такъ какъ она недавно была взята замужъ въ Ясную Поляну изъ чужой деревни, дернула за рукавъ графа и дерзко крикнула ему: „Чего ты тутъ сидишь! Нельзя отъ тебя чулки въ печуркѣ взять!“ Добродушный нашъ старичокъ Левъ Николаевичъ всталъ, тихо извинился и пошелъ дальше за новобранцами, не спуская съ нихъ глазъ.

„Всей толпой вышли мы изъ деревни. Левъ Николаевичъ шелъ съ ними, разспрашивалъ плачущихъ родныхъ и утѣшалъ ихъ. Тутъ увидалъ Левъ Николаевичъ стараго мужика Прокофія, идущаго съ узелкомъ, въ которомъ было кое-что завязано для его сына. Онъ его окликнулъ:

„— Здравствуй, Прокофій!

„— Здравствуй, ваше сіятельство!

„— Куда ты, Прокофій, идешь?

„— Петьку свово провожаю.

„И старикъ заплакалъ.

„— Ваше сіятельство, что мнѣ дѣлать! Кормильца моего берутъ! Ванька-то совсѣмъ не подаетъ, да все время безъ мѣста въ Тулѣ ходитъ!

„Левъ Николаевичъ спросилъ:

„— Который же твой сынъ?

„— Вонъ онъ, — указывая на парня высокаго роста, сказалъ Прокофій.

„Парень шелъ и пѣлъ пѣсни, но на глазахъ у него были слезы. Левъ Николаевичъ подошелъ къ нему и что-то поговорилъ съ нимъ. Вернувшись къ Прокофію, Левъ Николаевичъ горько заплакалъ, и такъ шелъ съ нимъ вмѣстѣ, не переставая плакать, до самаго конца деревни. Выйдя за деревню, вся толпа остановилась. Новобранцы стали прощаться со своими родными. Левъ Николаевичъ со слезами на глазахъ подошелъ къ новобранцамъ, попрощался съ ними и пожелалъ имъ всего хорошаго. Они съ пѣснями пошли дальше, а Левъ Николаевичъ все стоялъ и все смотрѣлъ имъ вслѣдъ, точно вернуться не могъ.

„Тутъ ѣхали подводы для новобранцевъ. Левъ Николаевичъ остановилъ одну изъ нихъ и попросилъ мужичка подвезти его. Мужикъ остановилъ телѣгу; Левъ Николаевичъ сѣлъ въ нее и поѣхалъ вслѣдъ за новобранцами, давъ проходившему мальчику немного денегъ, чтобы онъ сходилъ на барскій дворъ и на конюшню, сказалъ бы кучеру

Изъ деревенской жизни «Ясной Поляны».

выѣхать за нимъ въ деревню Колпну, которая отъ нашей деревни находится въ семи верстахъ...

„Вспомнила я еще объ одномъ случаѣ, который передала мнѣ моя мать о дорогомъ старцѣ.

„Разъ, придя изъ лѣса, мать пошла въ барскую рощу за своей коровой. Роща эта находится какъ разъ позади нашего двора. Проходя по рощѣ, мать увидала, что лежитъ срубленная осинка. Она взяла осинку на плечо и понесла ее домой. Вдругъ встрѣчается ей Левъ Николаевичъ и говоритъ:

„— Здравствуй, Матрена! Ты мнѣ эту осинку отдай. Я ее срубилъ для Константина, ему печку топить нечѣмъ, вотъ я ему и нарубилъ, а лошади у него нѣтъ, и привезти ему некому. Если тебѣ нужно — сруби себѣ сама.

„Мать очень сконфузилась и стала у графа просить прощенія. Онъ ласково успокоилъ ее и сказалъ, что если ей нужна осинка—пусть возьметъ себѣ, какую хочетъ...

„Не могу я забыть дорогого старца, который всю свою жизнь заботился о мужичкахъ, прощалъ намъ всѣ проступки, помогалъ бѣднымъ, не только деньгами и добрыми дѣлами, но даже и трудомъ своимъ. Онъ всегда любилъ мужичковъ, часто хаживалъ къ намъ на деревню, разспрашивалъ, кто какъ живетъ, и всегда о насъ заботился.

„Я безъ душевнаго страданія не могу вспомнить о дорогомъ, миломъ нашемъ графѣ Львѣ

Николаевичѣ! Да будетъ ему на небеси Царствіе Божіе, вѣчная намять на землѣ!“

Трогательно, съ умиленіемъ вспоминаютъ яснополянскіе крестьяне о своемъ Львѣ Николаевичѣ. И чувствуется въ ихъ простыхъ рѣчахъ сознаніе невозвратимой утраты.

Послѣдніе дни Л. Н. Толстого въ монастыряхъ.

XVI.

До Козельска.

До Козельска отъ Петербурга 894 версты. Но чтобы доѣхать до этого городка, приходится потратить сорокъ часовъ времени, болѣе полутора сутокъ. Правда, три четверти пути вы сдѣлаете быстро, но, попавъ въ Москву, проспдите въ первопрестольной ровно столько времени, сколько до того проспали въ вагонѣ. Такъ ужъ устроено расписаніе россійскихъ желѣзныхъ дорогъ.

Да и стоитъ ли заботиться...

— Козельскъ?.. Кто въ Козельскъ ѣздитъ?..

Послѣ такихъ полупрезрительныхъ замѣчаній на Московскомъ вокзалѣ я дѣйствительно усомнился, ѣздитъ ли кто-нибудь въ Козельскъ... А вдругъ никто. Каково будетъ мое положеніе...

— А все-таки вы можетъ быть сообщите, съ какого вокзала въ этотъ самый Козельскъ нужно проѣхать.

— Кажется, съ Брестскаго,—отвѣчалъ съ величавымъ спокойствіемъ желѣзнодорожный чинъ.

Мнѣ показалось невѣроятнымъ, что въ Калужскую губернію нужно было ѣхать съ Брестскаго вокзала, и я осмѣлился обратиться ко второму чину. На этотъ разъ меня послали уже на Брянскій вокзалъ.

Проѣхавъ черезъ всю Москву, я очутился въ маленькомъ и весьма неуютномъ помѣщенія, именуемомъ Брянскимъ вокзаломъ.

— На Козельскъ? Поѣздъ отходитъ черезъ 12 часовъ.

— А раньше?

— Раньше не пойдутъ...

Приходится проводить день въ Москвѣ только для того, чтобы сдѣлать затѣмъ что-то 280 верстъ. Наконецъ, въ вагонѣ.

— Скажите, кондукторъ, вы не ошиблись? Я въ первомъ классѣ?..—слышу рядомъ изъ купэ тоненькій женскій голосокъ.

— Въ самомъ первомъ...

— А почему же здѣсь такъ холодно и совсѣмъ ничего не видно?

— Затопятъ, когда поѣздъ двинется, а насчетъ освѣщенія кромѣ свѣчекъ ничего не полагается.

Несмотря на столь категорическое заявленіе кондуктора, я самымъ почтительнымъ образомъ

обратился къ нему съ просьбой дать мнѣ вторую свѣчку, чтобы прочесть газеты. Я долго уговаривалъ кондуктора, пробовалъ его даже подкупить, но все мое краснорѣчіе оказалось безполезнымъ.

— Никакъ не могу дать второй свѣчки, потому контролеръ оштрафуетъ...

Пришлось оставаться почти въ темнотѣ. Едва мигавшая гдѣ-то подъ потолкомъ свѣчка часовъ около двухъ ночи потухла, а когда я попросилъ ее замѣнить новой, то кондукторъ, сдѣлавъ изумленное лицо, замѣтилъ:

— Помилуйте, скоро разсвѣтать будетъ.

Отопленія также не послѣдовало, т.-е. можетъ быть и топили, но спать пришлось во всякомъ случаѣ въ галошахъ, подъ пледомъ и шубой. И въ темнотѣ, въ полухолодномъ купэ, подъ стукъ колесъ мнѣ все время вспоминался важный московскій желѣзнодорожный чинъ, и его пренебрежительное замѣчаніе:

— Козельскъ, кто ѣздитъ въ Козельскъ?

Наконецъ пріѣхали въ Сухиничи. Здѣсь кончалась для меня столь благоустроенная Московско-Кіево-Воронежская дорога. Въ Сухиничахъ пересадка на Козельскъ. Но едва пассажиры вышли изъ вагона, какъ имъ сообщили, что въ Козельскѣ поѣздъ не пожелалъ дожидаться московскаго и „уѣхалъ“.

— Почему же такіе непорядки?—волновалась нервная дама.—Какъ можетъ поѣздъ не дожидаться!..

— Ничего не могу знать,—отвѣчалъ носильщикъ.—Такъ что пріѣхали по Кіево-Воронежской, а здѣсь начинается Рязанско-Уральская, и дожидаться они не обязаны...

Въ Сухиничахъ, въ душной, въ маленькой комнатѣ, набитой пассажирами всѣхъ классовъ, пришлось просидѣть съ семи часовъ утра до часа дня—шесть часовъ. Сначала пили чай, потомъ что-то густое, именуемое кофе, потомъ отъ нечего дѣлать я любовался, какъ буфетчикъ за стойкой мылъ бутерброды, а его подручный—мальчикъ — „наводилъ глянецъ“ на шеколадъ. Затѣмъ снова пили чай, какая-то наивная пассажирка заказала себѣ котлеты „марешаль“, и удивлялась, почему онѣ напоминаютъ разварную щуку. Потомъ мѣстные молодые люди пришли „кутить“ и выпили два графина водки. Наконецъ, когда время подходило къ часу дня, станціонная прислуга засуетилась и стала утѣшать пассажировъ.

— Подадутъ, обязательно подадутъ поѣздъ. Теперь его накачиваютъ; ну, полчасика опоздаетъ, а все-таки подадутъ, будьте покойны...

Поѣздъ дѣйствительно подали. Вагоны Рязанско-Уральской дороги оказались ничуть не лучше вагоновъ Кіево-Воронежской. Такіе же холодные и еще болѣе грязные.

— Днемъ у насъ собственно не топятъ, — пояснилъ кондукторъ...

Наконецъ минутъ черезъ пятьдесятъ — Козельскъ, тотъ самый Козельскъ, въ который, по мнѣнію московскаго желѣзнодорожника, „никто не ѣздитъ“.

XVII.

Оптина пустынь.

— Вамъ, баринъ, вь Оптину?

— Пожалуйте со мной,—я Толстого возилъ...

— Я тоже со Львомъ Николаевичемъ ѣздилъ...

Ямщики обступаютъ прежде, чѣмъ вы успѣете выбраться на свѣжій воздухъ изъ скромнаго вокзальнаго помѣщенія города Козельска.

— А гдѣ же самый городъ?

— Съ версту будетъ. Сейчасъ малость запорошило, такъ его плохо видно...—Пожалуйте со мной...

Но съ ямщикомъ, который возилъ Толстого въ Оптину, ѣхать нельзя, такъ какъ, не разсчитывая на снѣгъ, онъ выѣхалъ въ тарантасѣ. Беру розвальни, хоть неладно скроенныя, да видно крѣпко сшитыя; а по скользкой побѣлѣвшей дорогѣ въ нихъ все же спокойнѣе.

День не чета петербургскому—ясный, солнечный; открывающіяся далеко бѣлыя равнины совсѣмъ зазолотились, и только гдѣ-то тамъ, по краямъ, окаймлены чернотой едва занндевѣвшаго на верхушкахъ лѣса.

Оптина Пустынь во время полноводья.

— Что же вы Толстого плохо берегли?—обращаюсь къ ямщику Егору.

— И не говорите, баринъ, не знали, кого и возили. Да и мудрено узнать было. Сѣденькій старичонка, армякъ простой, шапка не лучше нашей и съ деревянной палкой.

— А о чемъ съ ямщиками разговаривалъ?

— Спрашивалъ Федора, куритъ ли онъ и пьетъ ли. „Ты, говоритъ, сколько прокуриваешь въ годъ". Федоръ отвѣчаетъ, что „рублей десять". „А пропиваешь сколько?" „Да надо класть, что рублей полтораста въ годъ, копѣекъ по сорокъ въ день на кругъ". „Вотъ ты и сочти, говоритъ Толстой, сколько бы ты сберегъ для семьи, если бы это баловство бросилъ".

— Послушался Федоръ?

Ямщикъ смутился и, минуту помолчавъ, отрѣзалъ:

— Вчера весь день пьяный лежалъ.

— Нехорошо.

— Да вѣдь и то, баринъ, не мы всегда виноваты. Подносятъ... Вы вотъ не замѣчаете, а я тоже сейчасъ выпивши, потому знатнаго человѣка возилъ, одного лѣса восемьсотъ десятинъ у него. Ну, рублевку далъ до Козельска, а въ трактирѣ цѣлый стаканъ поднесъ. Пей, говоритъ, авось не опьянѣешь. Такъ-то и Федору вчера.

Переѣзжаемъ черезъ рѣчку, едва покрывшуюся тонкимъ слоемъ льда; онъ трещитъ подъ полозьями, и вода все время заливаетъ сани.

— Затопить можетъ...

— Да мы ужъ перемахнули,—не унываетъ ямщикъ.—Здѣсь, собственно, не дозволяютъ ѣздить, а оно прямѣе, ближе.

Едва проѣхали рѣчку, какъ розвальни куда-то нырнули, зачерпнули снѣгу, едва не перевернулись и, послѣ нѣсколькихъ сильныхъ толчковъ, снова выскочили на свѣтъ Божій.

— Вамъ ничего?—оборачивается ямщикъ.—Ну, и слава Богу, а то здѣсь свихнуться можно...

Передъ монастыремъ новая неожиданность. Ночью по рѣкѣ пошелъ ледъ, паромъ снесло; приходится останавливаться, не доѣзжая до пустыни, идти по какимъ-то мосткамъ-дощечкамъ черезъ льдины, а затѣмъ по довольно глубокому снѣгу.

Наконецъ гостинница, а въ ней привѣтливый отецъ Михаилъ, тотъ самый, у котораго въ свое послѣднее посѣщеніе останавливался Левъ Николаевичъ. Комната, въ которой ночевалъ Толстой, занята, но отецъ Михаилъ утѣшаетъ, что она къ утру освободится и онъ непремѣнно перенесетъ туда мои вещи. И, не дождавшись разспросовъ, гостинникъ начинаетъ разсказывать о томъ, что говорилъ и дѣлалъ у нихъ Толстой.

— Пріѣхали его сіятельство въ шесть часовъ вечера въ четвергъ, 28-го, ночевали, пробыли до четырехъ часовъ слѣдующаго дня, а затѣмъ уѣхали въ Шамордино. Какъ вошли, такъ сейчасъ ко мнѣ и спрашиваютъ: „Можетъ вамъ непріятно, что я пріѣхалъ, я Левъ Толстой, отвергнутый церковью,

Хочу погостить у васъ, со старцами повидаться, а затѣмъ къ сестрѣ поѣду..." Я потомъ и доктора спрашивалъ, который былъ съ графомъ, и онъ тоже подтвердилъ, что Левъ Николаевичъ пріѣхали со старцами и съ сестрой повидаться. Немного отдохнувши, снова заходили ко мнѣ,—продолжаетъ отецъ Михаилъ,—разспрашивали о здоровьи отца Іосифа, который еще лѣтъ 18 назадъ былъ келейникомъ при старцѣ Амвросіи, а у него Левъ Николаевичъ не одинъ разъ бывалъ. Разспрашивали о другихъ старцахъ, о настоятелѣ. Попивши чайку, часовъ въ девять, Левъ Николаевичъ легъ спать. Доктора Маковицкаго выслалъ въ другой номеръ, напротивъ. На слѣдующее утро съ первымъ поѣздомъ къ нимъ пріѣхалъ изъ Горбачева молодой человѣкъ, съ которымъ Левъ Николаевичъ заперся, и они писали что-то вмѣстѣ. Я спрашивалъ у доктора, что за человѣкъ такой, а онъ говоритъ: „знакомый Льва Николаевича".

— А по наружности каковъ?

— Высокаго роста, брюнетъ, съ небольшой бородкой. Просто одѣтъ, въ смазныхъ сапогахъ. (Сергѣенко сынъ).

— А раньше, до пріѣзда молодого человѣка Левъ Николаевичъ ничего не писалъ?

— Какъ же, какъ только пріѣхали, такъ посылали телеграмму съ тѣмъ же извозчикомъ, который ихъ привезъ. Писалъ самъ Левъ Николаевичъ, и безъ очковъ, скоро, скоро, а выносилъ докторъ. Потомъ Левъ Николаевичъ заказное письмо тоже

самъ писалъ, а на слѣдующій день, когда отъ нихъ вышелъ молодой четовѣкъ, такъ докторъ возилъ корреспонденцію въ городъ.

— А какъ выглядѣлъ Левъ Николаевичъ.? Поди, усталымъ?

— Усталымъ—нѣтъ. Очень бодрый, а только пріѣхалъ онъ грустный, лицо печальное такое и говоритъ смиренно, совсѣмъ не повелѣваетъ... Въ книжкѣ у насъ расписался..

И отецъ Михаилъ спѣшитъ показать гостинничную книгу, гдѣ подъ датой 29 октября записано крупнымъ, характернымъ, всѣмъ извѣстнымъ почеркомъ: „Левъ Толстой благодаритъ за пріемъ".

— Нѣтъ ли у васъ карточки?—спрашивалъ потомъ у нихъ.

— Пришлю,—говоритъ,—и съ портретомъ даже.

— Заходилъ кто-нибудь ко Льву Николаевичу?

— Изъ монаховъ никто; по дорогѣ, когда Левъ Николаевичъ гулялъ около монастырскихъ стѣнъ, онъ встрѣтился и бесѣдовалъ съ однимъ изъ нашихъ, котораго еще раньше знавалъ.

XVIII.

День въ пустыни кончается рано, чуть не съ первыми сумерками. Пора въ монастырь, а главное въ скитъ къ старцамъ...

Черезъ большія бѣлыя ворота, мимо собора, келій, черезъ кладбище и сосновый лѣсъ, въ ко-

торомъ деревья такъ плотно прижались другъ къ другу,—подходите къ нишѣ съ желѣзными дверями,—онѣ-то и ведутъ въ скитъ. Тутъ свой храмъ и нѣсколько отдѣльныхъ келій, въ которыхъ день и ночь молятся старцы. У нихъ меньше обязательныхъ службъ, они проводятъ большее время у себя, въ уединеніи даже отъ остальной монастырской братіи и только по утрамъ со стороны лѣса открываются кельи старцевъ Іосифа и Варсонофія. Они благословляютъ богомольцевъ, молятся съ ними, выслушиваютъ жалобы и просьбы, одѣляютъ милостыней. Богомольцевъ въ эти часы сколо скита всегда очень много. Одновременно приходятъ окружные, въ большинствѣ бѣдные, крестьяне, которымъ также помогаютъ старцы.

Тѣ, кто не бывалъ въ захолустныхъ монастыряхъ, построенныхъ далеко отъ города, и знакомъ съ монастырской жизнью только на примѣрахъ Александро-Невской или Троице-Сергіевой лавры, тѣхъ многое поразитъ въ Оптинскомъ скиту. Ни тѣни фарисейскаго благочестія; напротивъ, безграничное смиреніе, связанное съ дѣятельною любовью къ людямъ, съ постояннымъ желаніемъ придти всѣмъ на помощь. Недаромъ Оптина пустынь и ея скитъ привлекали и вдохновляли такихъ людей, какъ Гоголь, Достоевскій, перенесшій жизнь пустыни на страницы „Братьевъ Карамазовыхъ“, графъ Алексѣй Толстой, Иванъ Кирѣевскій, Страховъ, Леонтьевъ. Левъ Толстой былъ

Оптина пустынь. Входъ въ скитъ и въ кельи старцевъ.

въ пустыни три раза. Въ прежнія свои посѣщенія онъ подолгу бесѣдовалъ съ покойнымъ старцемъ Амвросіемъ.

Заступившій мѣсто старца Амвросія схимонахъ отецъ Іосифъ очень хилъ и слабъ, но онъ не прекращаетъ принимать народъ, и столько безконечной доброты свѣтится въ его глазахъ.

— Кажется, что онъ всѣмъ родня...—эти слова женщины, долетѣвшія до меня въ келіи отца Іосифа, отлично передаютъ образъ ушедшаго отъ міра, но не забывающаго людей старца.

Я не рѣшился безпокоить отца Іосифа, да, какъ келейникъ о. Амвросія, онъ и не могъ знать сущности бесѣдъ покойнаго скитоначальника съ Толстымъ. Меня проводили къ старцу Варсонофію, ѣздившему въ Астапово въ сопровожденіи монаха Пантелеймона, котораго сестра Толстого называла мнѣ „хорошимъ врачемъ“, — но не допущенному къ умирающему Толстому.

Комната съ низкимъ потолкомъ и въ углу большой образъ Спасителя съ закрытой лампадой,—кажется, что онъ наполняетъ собою всю келейку. Отецъ Варсонофій, теперешній скитоначальникъ, тоже глубокій старецъ съ бѣлой, какъ лунь, бородой и совершенно безкровнымъ лицомъ.

— Ѣздилъ въ Астапово,—говоритъ отецъ Варсонофій,—не допустили къ Толстому. Молилъ врачей, родныхъ, ничего не помогло. Желѣзное кольцо сковало покойнаго Толстого; хотя и Левъ былъ,

но ни разорвать кольца, ни выйти изъ него не могъ... Пріѣзду его въ Оптину мы, признаться, удивились. Гостинникъ пришелъ ко мнѣ и говоритъ, что пріѣхалъ Левъ Николаевичъ Толстой и хочетъ повидаться со старцами. „Кто тебѣ сказалъ?“ спрашиваю. „Самъ сказалъ“. Что же, если такъ, примемъ съ почтеніемъ и радостью. Иначе нельзя отнестись. Хотя Толстой и былъ отлученъ, но разъ онъ пришелъ въ скитъ, иначе нельзя... А повидаться такъ и не пришлось—спѣшно уѣхалъ. А жалко. Какъ я понимаю, Толстой искалъ выхода, чувствовалъ, что передъ нимъ вырастаетъ стѣна...

Старецъ Варсонофій благословилъ меня и посовѣтовалъ поговорить съ отцомъ Эрастомъ.

XIX.

Отъ отца Эраста, письмо котораго вскорѣ послѣ смерти Толстого было напечатано въ „Колоколѣ“ и воспроизведено почти всѣми газетами, узнать ничего не удалось. Самъ отецъ Эрастъ, который, кстати сказать, не старецъ въ монастырскомъ смыслѣ и въ скиту не живетъ, съ Толстымъ не видѣлся, не говорилъ и свое письмо съ сообщеніемъ о томъ, что Толстой будто хотѣлъ „одѣть подрясникъ“ составлялъ со словъ третьихъ лицъ.

Отецъ Эрастъ — лѣтопись Оптиной пустыни. Онъ пишетъ, читаетъ духовныя и свѣтскія газеты,

онъ служилъ раньше по земству въ Тверской губерніи, многое видѣлъ и передаетъ обрывки воспоминаній. Съ первыхъ же словъ вмѣсто Толстого отецъ Эрастъ заговорилъ со мной о Гоголѣ и Пушкинѣ. Онъ вспомнилъ о. Порфирія Григорова, который, будучи офицеромъ-артиллеристомъ, дружилъ съ Пушкинымъ и, говорятъ, гдѣ-то встрѣтилъ его пушечными выстрѣлами. Съ Пушкина разговоръ перешелъ на Салтыкова, на его остроумныя ревизіи, на то, какъ онъ заставлялъ совѣтниковъ передѣлывать толстые журналы, на Лажечникова, на о. Матвѣя, „смущавшаго Гоголя". Отецъ Эрастъ вспомнилъ, какъ одна рѣчь о. Матвѣя, произнесенная во Ржевѣ, о переписяхъ, привела въ восхищеніе покойнаго Т. И. Филиппова, и онъ взялъ ее, чтобы напечатать въ какомъ-то журналѣ, но разыскать этой рѣчи такъ и не удалось.

— А вы знаете Вѣру Засуличъ? — неожиданно обращается о. Эрастъ.—Удивляетесь, что спрашиваю. Она у меня жила два мѣсяца въ Твери, когда я еще въ міру былъ. Помню, поселилась, а на другой день является жандармъ и спрашиваетъ: „какъ здорова ваша постоялица?" Я сразу не понялъ, въ чемъ дѣло, и только потомъ сказали, что она поднадзорная.

А о Толстомъ такъ я ничего и не узналъ отъ о. Эраста. Не сообщилъ онъ даже и того, кто доставилъ ему свѣдѣнія изъ Шамординскаго монастыря, и на прощанье только сказалъ:

— Конечно, не случаемъ пріѣхалъ Толстой, вѣдь такъ и все можно случаемъ объяснить. Пожалуй и вселенная случаемъ создалась...

Когда я вышелъ изъ келіи о. Эраста, монастырь погружался въ сонъ. Чистое звѣздное небо раскинулось надъ нимъ. Бѣлыя стѣны храма, дома и высокая каменная лѣстница, серебрившаяся отъ выпавшаго снѣга, казались мраморными, а безчисленные маковки и купола уносились высоко, теряясь въ чернотѣ вѣкового бора.

XX.

Наутро меня перевели въ комнату Толстого. Никогда не забуду этой комнаты со всѣми мельчайшими подробностями. Просторная, въ три окна, съ привѣтливыми кисейными занавѣсками, съ горшками фикусовъ, съ большимъ образомъ Спасителя въ углу, со стариннымъ диваномъ и круглымъ столомъ передъ нимъ, со вторымъ мягкимъ диваномъ и съ желтыми деревянными, вдѣланными въ полъ, ширмами, скрывающими постель. На неї спалъ Левъ Николаевичъ предпослѣднюю ночь, проведенную имъ въ спокойствіи и тишинѣ. Изъ оконъ далеко разстилается снѣжная равнина, вдали виднѣется городокъ, который даетъ о себѣ знать по вечерамъ высокими фонарями. Снова о. Михаилъ и опять переносимся къ воспоминаніямъ о Толстомъ.

— Когда ложились спать Левъ Николаевичъ,— разсказываетъ гостинникъ,—попросили столикъ и свѣчку и что-то читали. Передъ сномъ чай пили. Я ему къ чаю яблоки антоновскія принесъ, а онъ и спрашиваетъ:

— Нѣтъ ли у васъ медку, братъ Михаилъ? Вѣдь вы мантіи не принимали еще, вотъ я васъ и буду звать „братомъ“.

Принесъ Льву Николаевичу медку, а на слѣдующій день онъ обѣдалъ—кушалъ грибы, гречневую кашу съ рисомъ. Рыбки предложилъ ему, говоритъ: „не ѣмъ“. Утромъ докторъ варилъ для Льва Николаевича кофе и разогрѣвалъ пирожки.

Когда уѣзжалъ, спрашиваетъ:

— Сколько вамъ за номеръ, братъ Михаилъ?

— У насъ по усердію.

— Три рубля довольно будетъ?

— Довольно.

— Да вы говорите, говорите, можетъ мало?

Вышелъ Левъ Николаевичъ пѣшкомъ и только за рѣкой сѣли на лошадей. Уѣхали втроемъ на двухъ парахъ въ Шамордино. Когда уѣзжалъ Толстой, у парома собралось множество монаховъ. Всѣ хотѣли взглянуть на Льва Николаевича.

Отца Михаила прерываетъ Кирюша—онъ служитъ мальчикомъ при гостинницѣ, только что принесъ мнѣ самоваръ и, прислушиваясь къ разговору, не утерпѣлъ, чтобы не похвастаться.

— Со мной тоже разговаривалъ Левъ Николаевичъ, — сообщаетъ Кирюша. — Спрашивалъ,

дальній ли я, или ближній, кто мои родители, а потомъ этакъ ласково потрепалъ да и говоритъ:

— Ты что жъ тутъ, въ монахи пришелъ?

Кромѣ о. Михаила и мальчика Толстой во время прогулки у монастырскихъ стѣнъ встрѣтилъ монаха, завѣдывающаго амбарами. Онъ зналъ его, когда тотъ служилъ на желѣзной дорогѣ и какъ-то покупалъ въ Ясной Полянѣ овесъ. Левъ Николаевичъ сразу узналъ знакомаго монаха и, разговорившись, сообщилъ, что пріѣхалъ отдохнуть въ Оптину, а не удастся, такъ гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ пожить.

— У насъ близъ пустыни въ прошломъ году ваши сыновья охотились,—сообщилъ монахъ.

Льву Николаевичу это не понравилось.

— Глупостями все занимаются,—и онъ махнулъ рукой.

Я четыре дня прожилъ въ Оптиной, въ той же комнатѣ № 1. Въ комнату постоянно стучались и приходили разные люди. Всѣмъ хотѣлось взглянуть на помѣщеніе, въ которомъ одни сутки прожилъ Толстой. Спрашивали, гдѣ онъ сидѣлъ, гдѣ спалъ, и много любви и грусти слышалось въ этихъ разспросахъ.

XXI.

Шамординскій монастырь.

Шамордино въ двѣнадцати верстахъ отъ Оптиной. Дорога сначала не лучше, чѣмъ отъ станціи до Пустыни, но потомъ сворачиваетъ на широкій проселокъ.

Амвросіевская женская пустынь пріютилась совсѣмъ около села на горѣ въ густой зелени. Если Оптино поражаетъ строгостью общаго тона, иногда даже суровостью, то Шамординскій монастырь, напротивъ, привлекаетъ своей привѣтливостью, радостнымъ, радушнымъ видомъ. Таковы и церкви и всѣ постройки его.

Толстой пріѣхалъ туда въ пятницу 29 октября въ половинѣ седьмого часа вечера и остановился у матери Наталіи, тоже въ номерѣ первомъ. Комната не такая просторная, какъ въ Оптиной, но довольно уютная и чистая. А когда пріѣхала дочь, онъ перешелъ въ другую комнату подъ номеромъ третьимъ. Изъ гостинницы Левъ Николаевичъ пошелъ сразу къ сестрѣ. Встрѣча была самая трогательная; онъ обнялъ сестру, поцѣловалъ, повѣдалъ ей свое горе — разладъ съ женой. Они долго сидѣли вдвоемъ. Вышли только къ обѣду и пригласили въ келью доктора и монахиню, которая находится неотлучно около сестры Толстого.

Шамординскій женскій монастырь (видъ съ южной стороны).

— Сестра, я былъ въ Оптиной, какъ тамъ хорошо,—замѣтилъ Толстой. Съ какой радостью я жилъ бы, исполняя самыя низкія и трудныя дѣла, но поставилъ бы условіемъ не принуждать меня ходить въ церковь.

— Это хорошо,—отвѣчала сестра, но съ тебя взяли бы условіе ничего не проповѣдывать и не учить.

Левъ Николаевичъ задумался, опустилъ голову и оставался въ такомъ положеніи довольно долго, пока ему не напомнили, что обѣдъ оконченъ.

— Видѣлся ты со старцами,—возобновила разговоръ объ Оптиной сестра.

— Нѣтъ... Развѣ ты думаешь, что они меня приняли бы?.. Ты забыла, что я отлученъ.

На другой день Толстой всталъ рано, еще не было семи часовъ утра, гулялъ по монастырю, заходилъ въ деревню. Тутъ онъ разговаривалъ съ нѣсколькими крестьянами. Распрашивалъ объ ихъ жизни, о томъ, согласились ли бы они взять его нахлѣбникомъ, и даже присмотрѣлъ себѣ избу, довольно свѣтлую, въ четыре окна, но ничѣмъ не отличающуюся отъ другихъ.

— Изъ крестьянъ будете? — спрашивали Льва Николаевича.

— Не изъ крестьянъ, а хочу жить по-крестьянски. Больно хорошо у васъ... Много раздолья... Да и тихо.

Шамордино. Женскій монастырь (со стороны села).

— Снѣгомъ шибко заноситъ зимой,—жаловались крестьяне,—до города восемнадцать верстъ, иной разъ не выберешься.

— Снѣгъ ничего, въ немъ грѣха нѣту,—отвѣчалъ Толстой.—Съ весною онъ растаетъ...

Около 12 часовъ Толстой вернулся къ себѣ въ номеръ, писалъ въ немъ и, пробывъ до половины четвертаго, опять отправился къ сестрѣ. Въ его отсутствіе пріѣхала дочь, и тоже скоро пошла къ Маріи Николаевнѣ. Левъ Николаевичъ съ ней разошелся. Онъ возвращался изъ домика сестры, а дочь шла туда,—ихъ раздѣляла церковь.

— Чьи это вещи у меня? Кто пріѣхалъ?—удивился Толстой, найдя у себя въ номерѣ чемоданъ Александры Львовны. Но потомъ посмотрѣлъ и говоритъ гостинничихѣ:

— Не безпокойтесь, это мои пріѣхали.

Вечеромъ, повидавшись съ Александрой Львовной и повидимому узнавъ, что за ней могутъ пріѣхать и другіе изъ Ясной Поляны, Левъ Николаевичъ снова заходилъ къ сестрѣ и прощался съ нею, вовсе не скрывая своего отъѣзда. Въ три часа ночи на воскресенье Толстой первый поднялся и разбудилъ доктора, дочку и ея подругу. Они спѣшили на поѣздъ. Одинъ извозчикъ запоздалъ, и Левъ Николаевичъ очень волновался. Наконецъ возки были поданы, и всѣ усѣлись. Къ сестрѣ Толстой не пошелъ, думая, что она еще спитъ, и не желая ее безпокоить.

Около пяти часовъ утра Толстой ѣхалъ на станцію, снова трясся по ужасной дорогѣ, снова зябнулъ и, сдѣлавъ 18 верстъ, утомленный пріѣхалъ въ Козельскъ.

XXII.

Марія Николаевна, сестра Толстого, живетъ въ Шамординскомъ монастырѣ совсѣмъ особнякомъ. У ней свой небольшой домикъ, въ которомъ она проводитъ большую часть дня. Въ 1909 году она приняла келейное постриженіе и величается нынѣ матерію Маріей.

Вотъ что разсказываетъ сестра Толстого о его пребываніи въ монастырѣ.

— Я затрудняюсь сказать вамъ, что онъ жаловался мнѣ на разладъ съ женой. Этотъ вопросъ касается семьи. Покойный братъ всегда тяготился тѣмъ образомъ жизни, который былъ въ Ясной Полянѣ.

— „Если бы ты знала, какъ мнѣ тяжело такъ жить“—говорилъ онъ мнѣ, когда я еще пріѣзжала въ Ясную.

— Братъ часто высказывалъ желаніе удалиться. Исканіемъ Бога этого объяснить нельзя, но о Богѣ онъ думалъ всегда.

— Міръ зналъ двухъ Толстыхъ: одного,—который выливался въ его твореніяхъ, другого высокой жизни, высоконравственнаго, безпощадно рабо-

тавшаго надъ собой человѣка. И вотъ, когда ему стало не въ моготу,—онъ ушелъ, его потянуло къ уединенію.

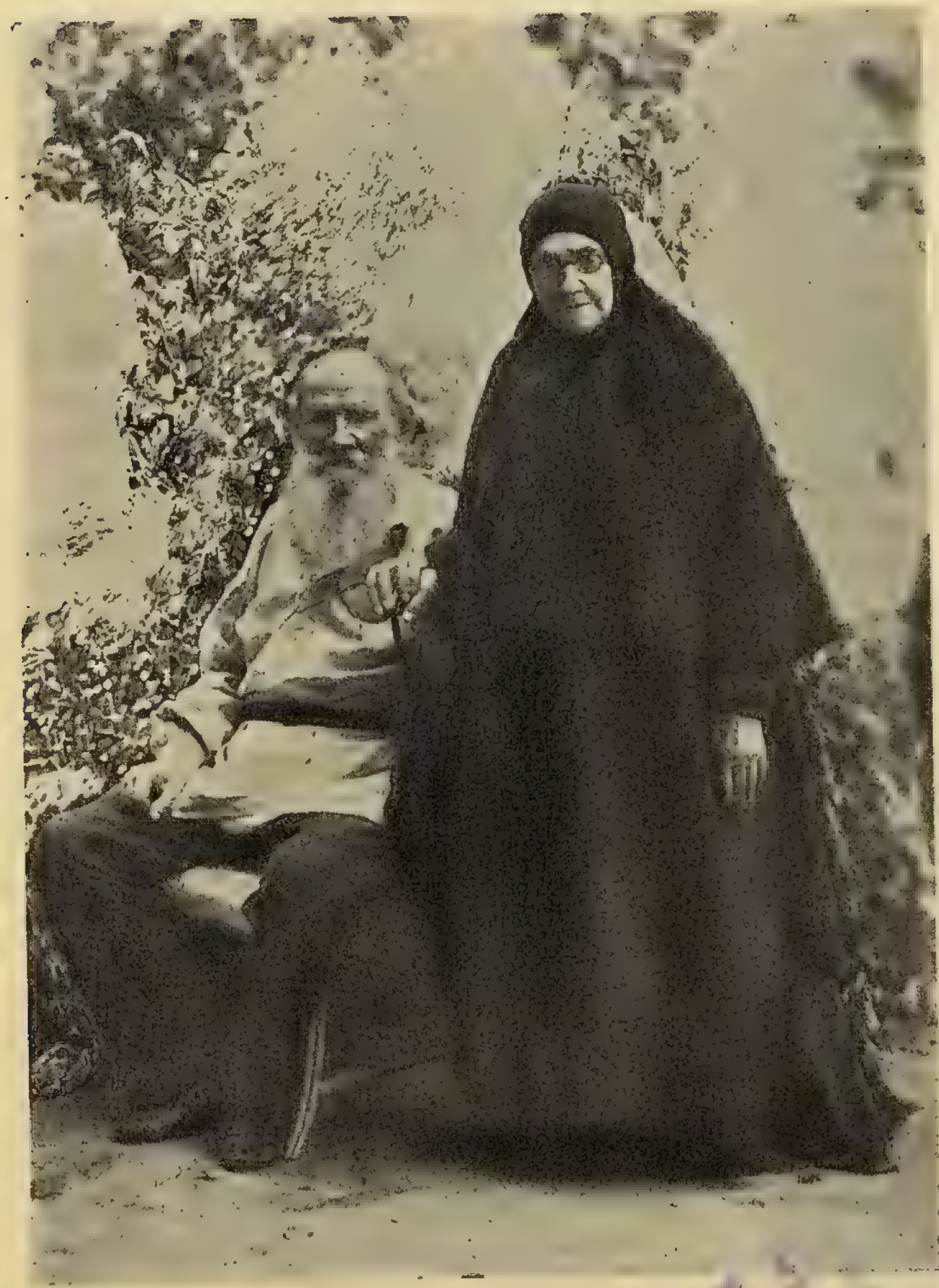
Сказать, что онъ скорбѣлъ объ отлученіи отъ церкви, нельзя: по его понятіямъ о церкви, это было ему безразлично.

Самый отъѣздъ изъ Шамордина въ первые дни послѣ ухода Толстого передавался въ неправильномъ освѣщеніи. Писали, будто Толстого увезла дочь, не давъ ему даже попрощаться съ сестрою. Все это не такъ.

— 30 октября вечеромъ,—говоритъ Марія Николаевна,—пріѣхала его дочь Александра Львовна и привезла извѣстія, совершенно измѣнившія его планы. Прощаясь съ нимъ вечеромъ, я знала, что онъ уѣдетъ, но не знала когда, такъ какъ онъ самъ этого еще не рѣшилъ. Придя въ гостинницу и справившись съ дорожнымъ указателемъ, онъ увидалъ, что для того, чтобы попасть на единственный уходящій на югъ поѣздъ, ему надо выѣхать въ 5 часовъ утра. Хотя меня и разбудили, сказавъ, что Левъ Николаевичъ уѣзжаетъ, и я спѣшила на гостинницу, чтобы проститься съ нимъ, но я его уже не застала...

Такъ передаетъ объ отъѣздѣ Толстого Марія Николаевна.

Толстой тоже хотѣлъ попрощаться съ сестрой, но думалъ, что она спитъ, и не рѣшился ее безпокоить. Его вовсе никто не увозилъ и никто имъ не руководилъ. Это положительно можно устано-



Графъ Л. Н. Толстой со своей сестрой монахиней Маріей.

вить изъ мельчайшихъ подробностей и обстоятельствъ отъѣзда. Толстой, конечно, послѣ долгихъ и мучительныхъ колебаній рѣшился покинуть Ясную Поляну, но разъ принятое имъ рѣшеніе онъ проводилъ до конца. „Извѣстія, совершенно измѣнившія его планы“, которыя привезла дочь, заставили его покинуть спѣшно Шамордино и вмѣсто Оптиной, гдѣ онъ хотѣлъ пожить, выѣхать изъ Козельска и направиться дальше на югъ. Онъ избѣгалъ такихъ встрѣчъ, которыя могли поколебать его намѣреніе, могли причинить и ему и другимъ новыя огорченія. Кромѣ дочери и другіе въ Ясной Полянѣ могли узнать, гдѣ онъ находится, и могли пріѣхать за нимъ. И онъ самъ первымъ поднимается въ три часа ночи, будитъ дочь и доктора и нервничаетъ, когда запаздываютъ лошади. Онъ готовъ забыть свою усталость, недомоганіе и, не взирая на глубокую ночь, дѣлаетъ восемнадцать верстъ по ужасной дорогѣ и снова запирается въ душномъ вагонѣ.

Укоряютъ Маковицкаго, почему онъ не удержалъ Толстого, разъ онъ видѣлъ, что тотъ чувствуетъ себя нездоровымъ. Но всѣ, кто видѣлъ даже въ монастырѣ Маковицкаго рядомъ съ Толстымъ, говорятъ, что послушный ученикъ заслонялъ въ Маковицкомъ врача. Онъ только слушался Толстого и не рѣшался давать ему совѣты.

— Когда заговорили о томъ, куда ѣхать изъ Шамордина, разсказываетъ Марія Николаевна, докторъ Маковицкій предложилъ ѣхать на Кав-

Станціонный домъ въ Астапово (Ряз.-Урал. ж. д.), гдѣ скончался гр. Л. Н. Толстой.

казъ, говоря, что тамъ у него есть знакомые и единомышленники. Но Левъ Николаевичъ на это отвѣтилъ: „Только не въ колонію, и не къ знакомымъ, а просто жить въ избѣ“.

Вокругъ поѣздки Толстого въ монастыри сложилось не мало легендъ. Одни увѣряли, что Толстой хотѣлъ остаться въ монастыряхъ надолго, другіе писали, что онъ попалъ въ нихъ случайно, а одинъ изъ монаховъ Оптиной пустыни о. Эрастъ въ письмѣ, помѣщенномъ въ „Колоколѣ“, сообщалъ даже о желаніи Толстого „надѣть подрясникъ и затвориться въ своей храминѣ“. Такихъ желаній у Толстого не было. А если онъ хотѣлъ повидать старцевъ, то и это объясняется очень просто.

— Думая, что Левъ Николаевичъ пріѣхалъ надолго (какъ онъ и сказалъ), сообщаетъ его сестра, я не успѣла съ нимъ переговорить объ этомъ. Мое личное мнѣніе такое: онъ интересовался всѣми людьми, живущими духовно, и желалъ говорить со старцами, какъ съ людьми, посвятившими себя духовной жизни.

Кто видѣлъ Оптинскихъ старцевъ, затворившихся въ скиту, особенно схимника Іосифа, тому будетъ понятно желаніе Толстого. Столько смиренія, кротости, спокойствія и любви къ людямъ во всей фигурѣ Іосифа; просвѣтленными глазами онъ смотритъ на міръ, и непонятными кажутся ему всѣ тѣ ужасы, которыми мучаются люди и которые они сами же создали. Успокоенными и примирившимися уходятъ всѣ изъ келіи Іосифа...

XXIII.

Поклонился еще разъ мѣстамъ, гдѣ послѣдніе дни въ здоровьѣ провелъ Толстой, и въ обратный путь... Снова снѣга, канавы, рытвины, полузамерзшія рѣчки и неунывающій ямщикъ.

— Ты никакъ опять въ бродъ переѣзжаешь. Эдакъ потопить можешь,—не выдерживаетъ одинъ изъ богомольцевъ, выѣхавшихъ вмѣстѣ со мной.

— Теперь ничего, подзамерзло, будьте покойны. А вотъ въ прошлую Пасху дѣйствительно двадцать два человѣка тутъ потонуло...

На вокзалѣ разсказываютъ, что въ Оптину много народу понаѣхало. Пріѣзжаютъ со всѣхъ концовъ Россіи. Садясь въ вагонъ, я видѣлъ мужа съ женой, пріѣхавшихъ изъ Омска,—захотѣли посмотрѣть мѣста, куда ушелъ передъ смертью Левъ Толстой.

Хорошія, тихія мѣста и люди интересные... А если бы еще дороги къ нимъ были поудобнѣе, и совсѣмъ стало бы хорошо.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТРАН.
Предисловіе	3
Почему ушелъ Толстой	9
Яснополянскія воспоминанія о Толстомъ	31
На могилѣ	48
Крестьяне «о своемъ Львѣ Николаевичѣ»	54
Послѣдніе дни Л. Н. Толстого въ монастыряхъ	68

Цѣна 75 коп.

Lauritt

4 ~~75к~~
~~экз 1 50к~~

-40к.